

**Военные
Приключения**

ОПЕРАЦИЯ "СЕНТЯБРЬ"

СЕРГЕЙ ТРИФОНОВ

Военные приключения (Вече)

Сергей Трифонов

Операция «Сентябрь»

«ВЕЧЕ»

2023

УДК 821.161.1311.3
ББК 84(2)

Трифонов С. Д.

Операция «Сентябрь» / С. Д. Трифонов — «ВЕЧЕ»,
2023 — (Военные приключения (Вече))

ISBN 978-5-4484-8948-8

Сентябрь 1946 года. Литва. В республике, два года назад освобождённой от фашистов, многочисленные, хорошо вооружённые и организованные литовские и польские националистические банды ведут борьбу с органами госбезопасности и милиции, нападают на советские, партийные, профсоюзные и комсомольские учреждения, предприятия и хозяйственные организации, грабят банки, сберкассы, продовольственные магазины, изымают у крестьян продукты питания. Нежелающих поддерживать бандитов граждан убивают, сжигают хутора и сёла, школы и больницы. Обостряет ситуацию разгулявшаяся уголовщина. В помощь местным органам милиции и госбезопасности МГБ СССР направляет оперативную группу опытных сотрудников во главе с подполковником Савельевым... Новый роман известного писателя и историка посвящён борьбе советских контрразведчиков и сотрудников милиции с националистическим подпольем после окончания Великой Отечественной войны.

УДК 821.161.1311.3
ББК 84(2)

ISBN 978-5-4484-8948-8

© Трифонов С. Д., 2023
© ВЕЧЕ, 2023

Содержание

Вместо предисловия	6
Часть I	11
1	12
2	19
3	30
4	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Сергей Дмитриевич Трифонов

Операция «Сентябрь»

© Трифонов С.Д., 2023

© ООО «Издательство «Вече», 2023

Если мы хотим пользоваться миром, приходится сражаться.

Цицерон

Вместо предисловия

Для того чтобы облегчить читателю вхождение в сюжет книги и уяснение ситуации, сложившейся в Вильнюсском крае к осени 1946 года, автор решил сделать некоторые наброски, нечто подобное «К истории вопроса»...

22.12.1918 г. Совнарком РСФСР признал независимость Литовской Советской Республики.

21.04.1919 г. Вильно был взят польскими войсками под руководством генерала Е. Рыдз-Смиглы.

08.12.1919 г. Верховный совет Антанты в Париже утвердил восточную границу Польши. Вильно оставался в составе Литвы. Польша была обязана вывести свои войска из Вильно и Виленского края, населённых преимущественно поляками и белорусами.

12.07.1920 г. Совнарком РСФСР подписал мирный договор с Литвой, согласно которому Литве возвращалась Виленская область, очищаемая Красной армией от польских войск. Советская Россия оказывала Литве безвозмездную помощь в размере 3 млн руб. золотом, Литовская армия начала боевые действия против польских войск.

14.07.1920 г. Красная армия выбила польские войска из Вильно.

26.08.1920 г. после эвакуации советских частей в Вильно вступили литовские войска, город стал столицей Литвы.

22.09.1920 г. польские войска вновь вторглись в Виленский край.

09.10.1920 г. польские войска под командованием генерала Л. Желиговского захватили Вильно.

08.01.1922 г. в Виленском крае был проведён плебисцит, население проголосовало за присоединение «Срединной Литвы» (Виленской области) к Польше.

24.03.1922 г. в Варшаве Польский сейм постановил включить Вильно и Виленскую область в состав Польши.

15.03.1923 г. конференция послов Англии, Италии, Японии и США под председательством МИД Франции закрепила Вильно и Виленскую область за Польшей. Литва отказалась признать это решение.

19.09.1939 г. советские войска в ходе так называемого «Освободительного похода» в Западную Украину и Западную Белоруссию заняли Вильнюс.

10.10.1939 г. в Москве между СССР и Литвой подписан договор о взаимопомощи, согласно которому Виленская область и Вильнюс возвращены Литве.

Польское эмигрантское правительство в Лондоне не признало передачу Вильно и Виленского края Литве. В этом оно нашло полную поддержку польской католической церкви и подавляющей части населения города и края.

В начале тридцатых годов XX столетия население Виленского воеводства (края) составляло более 1,25 млн человек, из них поляков – 60 %, белорусов – 22,7 %, евреев – 9 %, литовцев – 5,2 %, русских – 3,4 %.

Вильно, один из красивейших европейских городов, в XV–XIX веках формировался под влиянием польской культуры. Старый польский университет, польские школы, польская архитектура, польские театры, служба в десятках костёлах на польском языке, польские газеты и журналы, – город и край были пропитаны польским духом, господствовали польский менталитет и польский уклад жизни.

Между тем столетия в составе Речи Посполитой Вильно оставался провинциальным городом. В современный европейский город он стал превращаться лишь в середине XIX века. С включением Виленщины в состав Российской империи сюда пришла промышленная революция, появилось множество банков и страховых компаний, росла численность инженерно-тех-

нической интеллигенции. Но польская и литовская шляхта упорно сопротивлялась любым новшествам, причем настолько, что её махровый консерватизм пришлось на своей шкуре испытать даже чиновникам царской администрации. Как ни парадоксально, но во второй половине XIX столетия, особенно в годы реформ Александра II, именно царские чиновники насаждали зачатки демократии и принципы городского самоуправления, а люди, которые принадлежали к правящим кругам тогдашней Литвы, всячески этому противодействовали.

В середине 30-х годов XX столетия в Вильно проживало почти 200 тысяч человек, из них поляков было 66 %, евреев – 28 %, русских – 3,8 %, белорусов – 0,9 %, литовцев – 0,8 %. Польский и идиш были главными языками общения.

До 1939 года варшавские чиновники, высшие офицеры Войска Польского, бизнесмены и проходимцы всех мастей любили приезжать в тихий, утопающий в зелени Вильно на краткосрочный отдых, селились в дорогих отелях, посещали театры, кабаре, рестораны, казино, публичные дома. Считалось, что здесь проживали самые красивые в Польше дамы. В отелях, ресторанах и казино совершались немыслимые многомиллионные сделки, международные авантюристы торговали золотом, платиной, драгоценными камнями (зачастую фальшивыми).

Интересно, что в 1937 г. в Вильно вполне серьёзно обсуждались пути решения пресловутого еврейского вопроса, который для крайне националистической Польши был актуальным. К тому времени иллюзии оголтелых антисемитов из правящей элиты Варшавы относительно полонизации евреев, в том числе в Виленском крае, развеялись. И тогда в среде виленской университетской профессуры родилась идея о переселении евреев на Мадагаскар, радостно поддержанная руководством Польши. Более того, с одобрения французского правительства была создана комиссия по изучению приспособленности острова для заселения его евреями из Польши, в которую вошли представители высших слоёв Виленского воеводства. Комиссия выезжала на Мадагаскар, составила отчёт правительству, и только начало Второй мировой войны прервало эти безумно авантюристические действия польских юдофобов.

Город давно превратился в перевалочный центр контрабанды. Из портовых Мемеля (Клайпеды), Вентспилса и Риги, из Румынии сюда потоком шли, минуя польскую таможню, шотландские виски, французские, испанские и итальянские вина, иранская чёрная икра, сигареты из США, Германии, Египта, голландский и бельгийский текстиль... На рынках города можно было купить, казалось, всё: от первоклассных продуктов питания до паспортов всех европейских стран и любых видов стрелкового оружия (в том числе советские винтовки, револьверы и гранаты).

Криминальный мир Польши чувствовал себя в Вильно вполне комфортно. Отсюда по всей Речи Посполитой многочисленными ручьями текли наркотики. Здесь орудовали уголовники всех мастей: карманники, наводчики, каталы, гопники, домушники, медвежатники, громилы, киллеры, угонщики похищенных в Литве, Латвии и Эстонии автомобилей. Причём если карманниками, воришками белья, каталами, наводчиками были в основном ушедшие с хуторов в город белорусы, то нишу жуликов, аферистов, перекупщиков краденного, организаторов контрабанды занимали евреи. Среди воров в законе, медвежатников, громил, угонщиков, киллеров главенствующую роль играли поляки и русские. На хуторах Виленского воеводства отдыхали, лечились, прятали награбленное и держали общак воры в законе.

В годы оккупации немцы и литовская администрация поначалу как-то пытались урезонить виленский криминал, но быстро осознали бесперспективность этого дела и смирились.

В 1942 году в захваченной гитлеровцами Польше и на Виленщине, в условиях террористического оккупационного режима, на базе разрозненных партизанских отрядов и боевых групп были сформированы крупные подпольные вооруженные формирования, получившие наименование Армия Крайова. Ее численность, по заявлениям «лондонского» правительства Польши, в сорок четвёртом году достигла 350 тысяч человек. Перед командованием АК «лон-

донским» правительством Владислава Сикорского была поставлена конкретная задача: максимально сохранять силы в борьбе против фашистов для установления власти эмигрантского правительства на освобожденных Красной армией территориях Польши, в том числе Виленского края, и не допускать создания политических институтов, подконтрольных СССР.

Общенациональная программа освобождения Польши и ее послевоенного возрождения, разработанная «лондонским» польским правительством и пропитанная антисоветизмом и русофобией, снискала поддержку большинства поляков. Население оккупированной Польши и Виленского края оказывало всемерное содействие конспиративным структурам подпольного государства, подчинялось им, обеспечивало солдат АК продовольствием, одеждой, медикаментами.

Большую работу отряды АК осуществляли в интересах спецслужб Великобритании, передавая им разведданные о вооруженных силах Германии, располагавшихся на территории Польши и Литвы, передвигавшихся на Восточный фронт, о потерях гитлеровцев. Но поляки подобные сведения передавали англичанам и о Красной армии.

Бездействие АК против гитлеровских войск, борьба с советскими партизанскими отрядами, ликвидация советских разведгрупп не могли не вызывать у руководства СССР роста подозрительности и недоверия к Армии Крайовой. Когда 3 августа 1944 года в ходе переговоров в Кремле новый премьер-министр «лондонского» правительства Польши Станислав Миколайчик заявил Сталину, что в Польше создана боеспособная Армия Крайова, Сталин возразил ему в том смысле, что борьбу с немцами эта армия не ведет. Ее тактика состоит в сохранении сил на случай прихода в Польшу англичан или русских. Сталин полагал, что проку от такого союзника мало.

Чувство разочарования у Сталина вызвало решение польского «лондонского» правительства летом 1942 года о выводе с территории СССР в Иран формировавшихся частей Войска Польского. По мнению советского руководства это явилось грубейшим нарушением соглашения, подписанного 30 июля 1941 года в Лондоне советским послом И.М. Майским и премьер-министром Польши генералом Владиславом Сикорским. В соответствии с соглашением СССР признавал утратившими силу договоры 1939 года с Германией, касающиеся территориальных перемен в Польше, восстанавливал дипломатические отношения с польским эмигрантским правительством, давал согласие на формирование польских соединений в пределах СССР. К соглашению был приложен протокол об амнистии польским гражданам, находившихся в советских тюрьмах и лагерях.

Однако в самый тяжелый для СССР момент, когда гитлеровские войска подходили к Сталинграду, когда Красная армия испытывала острый недостаток в оружии, боеприпасах, продовольствии и обмундировании, из СССР в Иран ушла вооруженная и обмундированная 80-тысячная армия генерала Владислава Андерса, а с нею 37 тысяч гражданских лиц.

В середине апреля 1943 г. германские власти разместили в средствах массовой информации сведения об обнаруженном в Катынском лесу близ Смоленска массовом захоронении польских офицеров, расстрелянных НКВД весной 1940 г. Правительство Сикорского обратилось в Международный Красный Крест с просьбой о расследовании этого факта. Сталина возмутила не сама информация, а шаги поляков, в результате которых к расследованию были привлечены фашистские оккупационные власти. В гневном послании Черчиллю от 21 апреля 1943 г. он писал: *«Правительство г-на Сикорского не только не дало отпора подлой фашистской клевете на СССР, но даже не сочло нужным обратиться к Советскому Правительству с какими-либо вопросами или за разъяснениями по этому поводу... На основании всего этого Советское Правительство пришло к выводу о необходимости прервать отношения с этим правительством».*

«Лондонское» польское правительство, не считаясь с реальностью, продолжало требовать от своих представителей на освобожденных Красной армией территориях Польши немед-

ленно брать власть в свои руки, а в Виленском крае – не подчиняться создаваемым органам власти Советской Литвы, формировать польские органы местной власти, полицию, органы безопасности, подчинённые Лондону. По сути, оно призывало поляков к гражданской войне в тылу воюющей Красной армии. Главнокомандующий АК генерал Сосновский в директиве от 7 июля 1944 г., направленной из Лондона командующему АК в Польше генералу Бур-Комаровскому, следующим образом определял политику «лондонского» эмигрантского правительства по отношению к советской власти и командованию Красной армии: *«...Если по счастливому стечению обстоятельств в последний момент отхода немцев и до подхода красных частей появится шанс хотя бы временного овладения нами Вильно, Львова, другого большого города или определенной хотя бы небольшой местности, это надо сделать и в этом случае выступить в роли полноправного хозяина».*

В соответствии с данной директивой на освобожденных территориях Польши и Литвы был организован саботаж. Подразделения АК разгоняли военкоматы, создавали местные органы власти, бойкотировавшие сотрудничество с командованием Красной армии, собирали и складировали оружие и боеприпасы, оставшиеся от гитлеровской армии, самовольно устанавливали систему налогообложения местного населения. В Вильнюсе и Вильнюсском крае повсеместно на публичных зданиях демонстративно вывешивались польские национальные флаги.

Документы воинских частей и соединений действующей Красной армии, подразделений войск НКВД по охране тыла, военной контрразведки «Смерш» подтверждали тот факт, что действия АК, мягко говоря, не вызывали понимания со стороны советских солдат и офицеров. В докладной записке наркома внутренних дел СССР Берии на имя Сталина и Молотова от 16 июля 1944 г. отмечалось, что в районах Вильнюса, Новогрудка, Туркели, Медников было сосредоточено до 25 тысяч солдат АК, хорошо вооруженных и обеспеченных артиллерией, немецкими самоходными орудиями, танками, автомобилями, мотоциклами. *«Поляки безобразничают, – писал Берия, – отбирают насильно продукты, рогатый скот и лошадей у местных жителей, заявляя, что это идет для польской армии... В настоящее время поляки проводят усиленную мобилизацию в “Армию Крайову” и собирают оружие... Кроме того, наличие этой “польской армии” дезориентирует местное население. Многие думают, что это польская армия Берлинга, и когда пришли заготовители от 3-го Белорусского фронта в Ошмяны за продуктами, то им жители заявили, что они уже все задания по налогу выполнили в польскую армию Берлинга».*

Подразделения АК в тыловых районах стали оказывать вооруженное сопротивление Красной армии и войскам НКВД, осуществлять акты диверсий. По данным органов военной контрразведки «Смерш», с октября 1944 г. усилились вооруженные нападения именно на армейские подразделения Красной армии. Всего в августе – начале ноября 1944 г. бойцами АК было совершено пятьдесят актов террора, в результате которых погибли 184 офицера и солдата Красной армии, 78 были ранены.

Ответные меры советских властей не заставили себя ждать. Оперативно сформированная сводная стрелковая дивизия войск НКВД под командованием генерал-майора Б. Серебрякова при содействии органов военной контрразведки «Смерш», НКВД, НКГБ, военной контрразведки Войска Польского развернула операции по разоружению частей и подразделений АК. В тыловой зоне наступавшей Красной армии начались аресты руководителей и солдат АК. С июля до середины ноября сорок четвертого года в Белостокском воеводстве и Бяло-Подляском уезде было арестовано и отправлено эшелонами в лагеря НКВД 2044 офицера и солдата АК, из Люблинского воеводства – 2210 человек.

В секретном донесении заместителя наркома внутренних дел СССР И.А. Серова и командующего войсками 3-го Белорусского фронта генерала И.Д. Черняховского наркому внутренних дел СССР Л.П. Берии от 18 июля 1944 г. сообщалось о том, что 17 июля в ходе

операции по разоружению солдат и офицеров так называемой Польской Армии Крайовой в районе Вильно были разоружены и задержаны командующий Виленским округом АК подполковник Кржешевский (псевдоним «Людвиг») и командующий Новогрудским военным округом АК полковник Шидловский (псевдоним «Полищук»). С ними были задержаны 26 офицеров АК, из них 9 командиров бригад, 12 командиров отрядов и 5 штабных офицеров. После прочёсывания лесов вокруг Вильно обезоружены и задержаны 3500 человек, из них 200 офицеров. Изъято 3000 винтовок, 300 автоматов, 50 пулемётов, 15 миномётов, 7 лёгких орудий, 12 автомашин и большое количество боеприпасов.

Аресты продолжались и в дальнейшем. В марте 1945 г. был арестован бригадный генерал Л.Б. Окулицкий, командующий АК, приказом которого от 19 января 1945 г. Армия Крайова распускалась, а ее солдаты и офицеры освобождались от данной ими присяги.

Таким образом, решение советского руководства о ликвидации АК основывалось на военно-политических интересах. АК, не воевавшая с общим врагом, гитлеровскими войсками, а использовавшаяся в тылу Красной армии в целях захвата политической власти, да еще вступившая в открытые боевые столкновения с советскими войсками и частями НКВД, была обречена. Противостояние частям Красной армии на освобожденных от гитлеровцев территориях Польши в 1944 г. стало смертным приговором для Армии Крайовой.

Между тем на территории Виленского края и в самом Вильнюсе после формального роспуска АК осталось более десяти тысяч её бойцов и командиров, которые по приказу «лондонского» польского правительства влились в реорганизованные отряды, развернувшие вооружённую борьбу с частями внутренних войск НКВД – МВД, органами милиции, НКГБ – МГБ. К осени 1946 г. эти отряды, изрядно потрепанные за два года, продолжали представлять собой внушительную военную силу, но постепенно превращались в организованные преступные группировки. Прикрываясь лозунгами борьбы за независимость Польши, против коммунизма, Советов, колхозов, они скатывались на дорогу самой разнузданной уголовщины...

Часть I

БРОШЬ

1

В семь тридцать утра Савельев вошёл в свой кабинет. Раздвинув плотные, не пропускавшие дневного света шторы, отворив форточки, он вынул из сейфа папку с документами и, закулив, углубился в чтение. Ровно в восемь зазвонил телефон. Помощник заместителя министра госбезопасности просил немедленно прийти в приёмную. Савельев убрал документы в сейф, оправил китель и поглядел в висевшее рядом с вешалкой зеркало. Вроде всё нормально, можно идти к начальству.

Пока он шёл длинными коридорами здания МГБ на Лубянке, здороваясь со знакомыми и незнакомыми сотрудниками и пробегая глазами по номерам кабинетов, пока спускался с этажа на этаж, который раз вспоминал, что он знает о комиссаре госбезопасности 3-го ранга Николае Николаевиче Селивановском. Красивый сорокапятiletний генерал, чей облик напоминал генерала Ермолова по портрету в галерее героев 1812 года в Эрмитаже, был профессиональным чекистом. Воевал с басмачами, двадцать лет служил в военной контрразведке. В годы войны – начальник Особого отдела НКВД Сталинградского, Донского, Южного фронтов, уполномоченный НКВД СССР по 4-му Украинскому фронту, заместитель начальника Главного Управления контрразведки «Смерш» Наркомата обороны. Он руководил заброской советской агентуры и диверсионных групп в немецкий тыл. После войны работал советником НКГБ СССР при Министерстве общественной безопасности Польши. Был дружен с маршалом Рокоссовским. После утверждения Абакумова в мае нынешнего, сорок шестого, года министром госбезопасности СССР, назначен замминистра. Курировал разведку и военную контрразведку. Селивановский считался человеком, безмерно преданным Абакумову. Берия уважал Селивановского. После того как отношения с Абакумовым становились всё более натянутыми, и будучи заместителем председателя Совета Министров СССР, курировавшим спецслужбы, Берия часто поручал Селивановскому сугубо деликатные дела, особенно за рубежом.

Селивановский неплохо знал Савельева, ценил его опыт, неоднократно брал с собой в командировки в Германию и Польшу. Савельев не мог до конца разобраться, искреннее ли отношение Селивановского к нему, или тут главную роль играл фактор уважения подполковника всесильным министром Абакумовым, помнившим роль Савельева в поисках и идентификации останков Гитлера и Евы Браун в мае прошлого года в Берлине и в обнаружении немецкой реактивной авиационной техники после войны¹.

Как бы то ни было, Савельев хорошо относился к Селивановскому и шёл в приёмную с лёгким сердцем. Возможно, он ещё не привык к тому, что вызовы сотрудников к замминистру зачастую оканчивались крахом служебной карьеры, а нередко тюрьмой и лагерями...

В приёмной ожидали вызова несколько генералов, полковников и людей в штатском. Майор, помощник замминистра, попросил:

– Обождите минуточку, товарищ подполковник.

Он скрылся за дверью и тут же вернулся.

– Проходите, товарищ подполковник.

В большом кабинете замминистра пахло одеколоном «Шипр». Селивановский пользовался только этим отечественным одеколоном, не признавая никакой, даже самый дорогой и модный, зарубежный парфюм.

– Товарищ комиссар госбезопасности, – стал докладывать Савельев, – подполковник...

Селивановский прервал его взмахом руки.

– Здравствуй, Савельев. Проходи, присаживайся. – Он указал на ближайший к нему стул у приставного стола для заседаний. – Дело к тебе есть.

¹ См.: Трифонов С.Д. Полёт Пустельги. М.: Вече, 2014; *Его же*. Полёт в неизвестность. М.: Вече, 2017.

Он поднял телефонную трубку и дал распоряжение помощнику:

– Сделай нам кофе. Много людей в приёмной? Отпусти всех на полчаса.

Достав из верхнего правого отделения письменного стола пухлую папку, вынул несколько документов и фотографий, придвинул их к Савельеву.

– Как тебе, подполковник, известно, дела наши в Литве складываются не очень. Особенно в Вильнюсском крае. Это вызывает тревогу у товарища Сталина. Работой органов на местах недовольны товарищи Берия и Абакумов. Из спецсообщения министра госбезопасности Литвы генерала Ефимова следует, что в регионе наличествуют несколько дестабилизирующих факторов. Во-первых, – Селивановский говорил, не глядя на Савельева, будто лекцию в аудитории читал, – активизировались банды литовских националистов. Терроризируют и держат в страхе население, грабят продовольственные склады, магазины, совершают диверсии против дислоцирующихся там воинских частей и на транспорте, убивают милиционеров, сотрудников МГБ, представителей советских и партийных органов, комсомольских активистов, совершают налёты на сельсоветы и милицейские участки.

Во-вторых, повышенную активность проявляют банды польских националистов, недобитки из АК. Ведут себя часто более жестоко, чем литовские бандиты. Их поддерживает местное польское население и католическая церковь. Сам понимаешь, всё же бывшая территория Польши. По нашим сведениям, многие ксендзы выступают в роли связных, а, возможно, и хорошо законспирированных руководителей бандформирований. Польские банды иногда вырезают целые литовские хутора и даже сёла, стремясь таким образом запугать литовцев и заставить их покидать Вильнюсский край. Они разбрасывают листовки, в которых прямо сказано: «Литовцы! Вон из Польши».

Я тебе больше скажу, Савельев. Польские бандформирования в Вильнюсском крае гораздо активнее, наглее и осторожнее литовских. Их возглавляют, как правило, бывшие кадровые офицеры, прошедшие школу в Армии Крайовой, многие участвовали в Варшавском восстании, в боях с бандеровцами на Волыни, с нашими партизанскими отрядами на Украине и в Белоруссии. Ряд командиров отрядов сотрудничали с немцами, были агентами Абвера и СД...

Помощник принёс кофе и тарелку с печеньем и конфетами. За кофе и папиросами Селивановский продолжил:

– И польские, и литовские националисты не смирились с советской властью, да и никогда не смирятся. Поэтому борьба с ними, как понимаешь, возможна только на уничтожение, – он стрельнул в сторону Савельева острым, злым, обжигающим взглядом. – Чем больше зароем бандитов в землю, тем лучше для всех. Цацкаться не будем.

Третий фактор состоит в том, что обе эти бандитские ветви ненавидят друг друга и регулярно вступают в боевые столкновения. Попытки их британских хозяев прекратить вражду ни к чему не привели.

В-четвёртых, республику захлестнула уголовщина. В Вильнюсе и районных центрах орудуют несколько банд уголовников из Латвии, Белоруссии, Псковской и Смоленской областей, да и своих местных хватает.

И, наконец, пятый фактор, очень для нас неприятный, – грабежи и насилие над местным населением со стороны советских военнослужащих. Солдаты и офицеры дислоцированных там воинских частей видят в литовцах и поляках врагов, пособников фашистов. Министр внутренних дел Литовской ССР комиссар госбезопасности товарищ Барташунас буквально забросал нас спецсообщениями об уголовных преступлениях наших бойцов.

Селивановский тяжело вздохнул, поднялся и нервно стал ходить по кабинету.

– Всеми этими литовскими делами у нас занимается отдел генерал-лейтенанта Судоплатова, а точнее его заместитель, генерал-майор Эйтингон. Он же фактически руководит республиканским штабом по борьбе с бандитизмом. Но он сейчас в дальней заграничной команди-

ровке. Вернётся только в декабре. Вот мы и решили направить в Литву в помощь местным товарищам оперативную группу из опытных сотрудников МГБ и милиции. Возглавить группу поручаем тебе, Савельев. Министрам госбезопасности и внутренних Литвы дел дано указание – в твою работу не вмешиваться, но всемерно помогать. Сам понимаешь, сроки командировки не ограничены.

И последнее, – Селивановский открыл одну из серых папок, – нас очень беспокоит активизация в Литве британской разведки. Тут дело, Савельев, такое – ни американцы, ни англичане до войны не имели богатого опыта и подготовленной агентуры для работы против нас. Они опирались в основном на польскую разведку и кое-каких результатов добивались. Британцы всегда высоко ценили профессионализм польских разведчиков. На вот, погляди, – Селивановский придвинул листок к Савельеву, – по данным нашей разведки, с тридцать девятого по сорок пятый год на разведку эмигрантского правительства Польши в Лондоне работало более 1700 агентов во всех европейских странах. Многих из них, действовавших на Украине, в Белоруссии и Литве, мы, конечно, выявили, но некоторые окопались в Вильнюсском крае и продолжают работать. Кроме того, британцы стали опираться и на бывшую германскую агентуру, изменников и предателей, пособников фашистов.

За последний месяц мы трижды пеленговали работу радиопередатчиков, работавших на британские радиостанции с хорошо известными нам позывными. Надо организовать работу по выявлению и прекращению деятельности этих станций.

Замминистра закурил, подошёл к окну, молчал и долго смотрел на Лубянскую площадь. Потом резко повернулся и закончил:

– Вот, собственно, и всё, Савельев. Вылетаете сегодня ночью. Иди в отдел Судоплатова. Получишь там конкретные наставления, рекомендации, карты, списки. А вот эти документы, – он протянул пухлую папку, – для тебя. Изучи. Пригодится.

В отделе «ДР» МГБ, руководимом генерал-лейтенантом Судоплатовым, офицеры-оперативники приняли Савельева как своего, первым делом напоив его душистым китайским чаем. Кратко, без лирики, но конкретно и по-деловому ввели в курс дела, дали исчерпывающие характеристики основным действующим лицам, снабдили документами и подробными картами Литвы и Вильнюсского края, в том числе польскими и немецкими. В завершение немолодой полковник, замначальника отдела, дал несколько дельных советов:

– Не торопитесь. Хорошенько оглядитесь, присмотритесь к людям. Начальник райотдела милиции Армалас и начальник отделения по борьбе с бандитизмом Букайтис – люди надёжные, проверенные в деле, профессионалы. Можете им доверять. Майор Илюхин, начальник райотдела МГБ, – парень толковый, опытный, войну прошёл, но с гонором. Его местные не особенно любят. Он всех держит под подозрением. Чуть что, сразу в камеру. Это мешает налаживанию нормальной оперативной работы, сотрудничеству органов МГБ и милиции. Министр Ефимов даже предупредил его о неполном служебном соответствии.

Дислоцироваться будете в Новой Вильне, пригороде Вильнюса, в десяти километрах от центра города. Дом хороший, старая загородная усадьба бывшего виленского воеводы Людвиг Боцянского. Рядом казармы отдельного мотострелкового батальона особого назначения внутренних войск. Опирайтесь будете на ресурсы батальона. Там получите оружие, боеприпасы, транспорт. Командир батальона майор Ватрушкин – мужик опытный, всю войну прошёл в частях НКВД по охране тыла действующей армии, воевал с бандитами в Белоруссии и Польше, бывший пограничник.

Будьте крайне осторожны. Особенно с поляками. Коварны, продажны, русских не любят, – полковник улыбнулся, – как, впрочем, и всех других. Помните, что польские бандформирования в Вильнюсском крае гораздо многочисленнее и организованнее, нежели литовские, отлично вооружены, имеют богатый опыт конспирации, хорошо налаженную связь, агентуру.

И ещё. Имейте в виду, состав литовских «лесных братьев» довольно пёстрый. Там не только обиженные советской властью люди, не только всякого рода негодяи, сотрудничавшие с фашистами. В отрядах много идейных противников советской власти, антикоммунистов, много молодёжи, воспитанной в духе ненависти к русским, евреям, белорусам. Есть там и обычный криминалитет, уголовники всех мастей, жулики, аферисты...

А вот самый большой резерв для пополнения отрядов и банд, чтобы вы знали, составляют дезертиры и «уклонисты» от службы в армии. За весь сорок пятый год военкоматы Литвы взяли на учёт почти пятьдесят три тысячи «уклонистов». Часть из них органами милиции была выявлена, но сколько ушло в банды, никто не знает.

Это я к чему вам говорю? А к тому, чтобы и вы, Александр Васильевич, и ваши подчинённые сумели рассмотреть в задерживаемых бандитах не совсем пропащих людей. Сами знаете, зачастую понятые и прощённые за незначительные проступки могут принести большую пользу.

С опергруппой познакомитесь на аэродроме. Всего восемь человек. Четверо оперов МГБ и четверо из милиции.

Да, ещё. Обязательно познакомьтесь в МГБ Литвы с полковником Ваупшасовым и капитаном Душанским. Профессионалы высокой пробы. Мастера разведки и контрразведки. Возможно, чем-то помогут.

Домой Савельев не стал заезжать. Супруга с полугодовалым сынишкой и тёщей с февраля, со дня рождения ребёнка, живут в Ленинграде, у его отца. «Тревожный» чемодан со всем необходимым всегда стоит в платяном шкафу его служебного кабинета. Он решил поработать с полученными документами. До обеда было ещё далеко. И до вечернего отлёта в Литву времени хватало.

Вначале Савельев стал знакомиться с документами об общем состоянии преступности в Литве. Он уже знал, что в 1946 году преступность в СССР достигла апогея; несмотря на то что уголовный бандитизм был распространенным явлением повсюду в стране, более двух третей случаев приходились на западные приграничные районы – Украину, Литву, Латвию, Эстонию и Белоруссию. Причем наибольшая активность бандитов всех мастей, от уголовников до представителей националистических бандформирований, проявлялась на Западной Украине и в Литве.

Он извлёк из пухлой папки копию докладной записки министра внутренних дел СССР Круглова, направленную в Политбюро ЦК на имя секретаря ЦК партии Маленкова. Из документа следовало: за восемь месяцев текущего года в западных районах страны было ликвидировано антисоветских формирований и организованных бандгрупп 3757. Ликвидировано бандитов, членов антисоветских националистических организаций, их подручных и других антисоветских элементов 209 831 лиц. Из них убито 72 232 человек, арестовано 102 272, легализовано 35 527. Была ликвидирована 3861 бандитско-грабительская группа. Ликвидировано 126 033 бандитско-грабительских элементов, дезертиров, уклоняющихся от службы в Советской армии, их подручных и других уголовных элементов. Из них убито 1329, арестовано 57 503, легализовано 67 201. Депортировано бандитских семей 10 982, 28 570 лиц. Выслано в соответствии с правительственным решением о высылке лиц, служивших в германской армии, полиции и других формированиях, 107 046 лиц. Оружие, другое воинское снаряжение, захваченное у бандитов и населения: 16 орудий, 366 миномётов, 337 ПТР, 8895 тяжелых пулеметов, 28 682 автоматов, 168 730 винтовок, 59 129 револьверов и пистолетов, 151 688 гранат, 79 855 мин и снарядов, 11 376 098 патронов, 6459 килограмма взрывчатки, 62 радиопередатчика, 230 коротковолновых приемников, 396 пишущих машинок, 23 счетных устройства.

Савельев дочитал документ, закурил. Он пытался разобраться в причинах небывалого роста преступности и особенно бандитизма в Прибалтике и в Западной Украине. Совершенно очевидно, полагал он, что этому способствовали острый дефицит продуктов питания и товаров

первой необходимости, а также массовая демобилизация армии. Многие бывшие красноармейцы пополняли ряды уголовщины в надежде добыть пропитание и добиться сносных условий жизни. Повсеместно, в том числе и в Литве, объектами нападений криминальных банд в первую очередь стали продовольственные и вещевые склады, магазины и кооперативные лавки, сберкассы и кассы предприятий и организаций.

Он понимал, что важную роль в распространении преступности в Литве и западных районах страны играл антисоветский национализм. Но он не представлял масштабов движения сопротивления советской власти, как и не знал всего (по должности ему знать этого было не положено), что вытворяла эта власть в Литве, Латвии, Эстонии.

Литву накрыла чёрная пелена сталинских политических репрессий. К лету сорок шестого года около ста тысяч литовцев были депортированы в отдалённые районы СССР – в Сибирь, за полярный круг и в Центральную Азию. Ещё примерно столько же находились в тюрьмах в Литве и в других частях Советского Союза. Две трети из них были отправлены в лагеря. Это при населении республики в два с половиной миллиона человек. И это только после войны. А ведь была ещё довоенная волна репрессий. Литва, ставшая лишь в 1940 году советской республикой, сполна познала жёсткую руку сталинского режима.

Савельев читал докладную записку НКГБ Литовской ССР от 12 мая 1941 года. В ней говорилось:

«...За последние месяцы в республике значительно растёт активная враждебная деятельность. Этому способствует непосредственная близость границы и подрывная деятельность германских разведывательных органов...

В силу этого считали бы необходимым приступить к аресту и принудительному выселению из Литовской ССР наиболее активных категорий лиц:

– государственный буржуазный аппарат: чиновники государственной безопасности и криминальной полиции; командный состав полиции; административный персонал тюрем; работники судов и прокуратуры, проявившие себя в борьбе с революционным движением; офицеры 2-го Отдела Генштаба Литовской армии; видные государственные чиновники; уездные начальники и коменданты...»

В этот же список попали представители контрреволюционных и националистических партий, русские белоэмигранты, фабриканты и купцы, крупные домовладельцы, банкиры, акционеры, биржевики, лица, заподозренные в шпионаже, уголовный и бандитский элемент...

Из Докладной записки наркома госбезопасности СССР Меркулова Сталину, Молотову и Берии от 17 июня 1941 года Савельев узнал: только в Литве было репрессировано 15 851 человек.

На фоне таких массовых репрессий, на фоне тотальной санации населения, осуществлявшейся силами НКВД – МВД и НКГБ – МГБ, в обстановке полной вседозволенности, свойственной сталинскому режиму, и совершались преступления советских военнослужащих в отношении мирного населения Литвы, ни в чем не виноватого даже по критериям советских властей. Но многие бойцы и офицеры армии, внутренних войск, госбезопасности были уверены: литовцы и поляки – враги, пособники фашистов, с радостью встретившие немцев в 1941 году, использовавшие рабский труд вывезенных немцами советских граждан, чинившие террор в тылу Красной армии.

Неудивительно, что население восприняло эти репрессии, грубую ломку политического и административно-территориального устройства страны, традиций, навязывания русского языка, бесцеремонность новой власти как оккупацию, а всех представителей этой власти – от назначенного сельского учителя и участкового милиционера до министров правительства – оккупантами.

Позже, там, в Литве, Савельев постепенно осмыслит всё это, поймёт детали, нюансы, особенности, без учёта которых работа контрразведчика немыслима. Он хорошо помнил слова

генерала Барышникова, которого считал своим учителем и наставником: «Разведка и контрразведка – это анализ и синтез деталей, нюансов, особенностей, мелочей и тонкостей». А пока он читал и читал документы.

Вначале он просмотрел копии спецсообщений, донесений, рапортов, справок и отчётов о борьбе с литовскими и польскими бандами. Смысловое содержание всех этих документов было понятно: есть враг, борющийся с советской властью и советскими гражданами, военнослужащими и милицией. Враг во что бы то ни стало должен быть уничтожен. Но документы из другой папки, вручённой заместителем министра, поставили Савельева в тупик².

«Сов. секретно

Командиру 4-й стрелковой дивизии войск НКВД

генерал-майору товарищу ВЕТРОВУ

По сообщению начальника Свенцянской опер. группы НКВД-НКГБ подполковника госбезопасности тов. ХИМЧЕНКО, 6-го февраля с/г в 24 часа мл. сержант 1-го батальона 25 полка ПАХОМЕНКО с 3-мя красноармейцами в городе Свенцяны зашли в дом гр-ки КОЗЛОВСКОЙ, забрали ее сына 1929 года рождения, учащегося, поляка и без всяких на то оснований недалеко от дома расстреляли его, заявив командиру части, что он был убит при попытке к бегству.

Прошу Вашего распоряжения немедленно этот безобразный случай расследовать и виновных предать суду Военного Трибунала, приняв решительные меры к недопущению впредь подобных позорных явлений.

Народный комиссар внутренних дел

Литовской ССР,

комиссар государственной безопасности

БАРТАШУНАС

8 февраля 1945 года

гор. Вильнюс».

Савельев был оглушён документом. Он не заметил, что сидит практически в тёмном кабинете; пепельница была переполнена окурками; от табачного дыма тяжело дышалось.

Открыв форточку и выглянув в окно, он увидел, как на Лубянке зажглись фонари. Редкие прохожие торопливо шли в сторону Театрального проезда и Никольской. Поливальные машины смывали дневную пыль и опавшую листву на Новой и Лубянской площадях. Последний день августа завершался.

Зашторив окна, включил настольную лампу, закурил и вновь уселся за стол.

Читая документы, Савельев делал в блокноте записи, фиксируя фамилии, даты, номера воинских частей. В этой толстой папке, вручённой ему заместителем министра, были подшиты десятки подобных документов. Он не стал читать все, выбрав сводную справку МВД Литвы на имя министра внутренних дел СССР Круглова.

«Совершенно секретно

Министру внутренних дел Союза ССР

генерал-полковнику товарищу КРУГЛОВУ

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА

о фактах уголовных преступлений, совершенных военнослужащими на территории Литовской ССР.

В городах Вильнюс, Каунас, Мариамполь и некоторых других уездных центрах Литовской ССР на протяжении 1946 года имели и продолжают

² Стилистика и орфография документов сохранена.

иметь место случаи совершения военнослужащими дерзких уголовных преступлений – разбоев, грабежей и убийств.

Только за минувшие месяцы с/г на территории Литовской ССР военнослужащими было совершено 31 преступление, в том числе: разбоев с убийством и без убийства – 15, убийств – 4 и краж – 12...

За этот же период было привлечено к уголовной ответственности 89 человек военнослужащих, из них: за разбои – 20, за грабежи – 31, за убийство – 8 и за кражи – 15...

Такое состояние с уголовной преступностью среди военнослужащих объясняется в первую очередь отсутствием должной дисциплины и политико-воспитательной работы среди рядового и сержантского состава частей и соединений, дислоцируемых на территории Литовской ССР.

Об этих фактах мною дважды сообщалось командующему Прибалтийским военным округом генералу армии тов. БАГРАМЯН.

Тем не менее уголовная преступность среди военнослужащих не уменьшается, а наоборот растет.

Сообщая об изложенном, прошу Вас через Министерство вооруженных сил Союза ССР принять необходимые меры к прекращению преступных проявлений со стороны военнослужащих.

*И.о. министра внутренних дел ЛССР
генерал-майор КАПРАЛОВ».*

Савельев взглянул на часы. Пора было собираться. Он убрал документы в сейф, достал из него трофейный «вальтер» с тремя обоймами и двумя коробками патронов, положил всё в «тревожный» чемодан, туда же отправил блокнот и три банки тушёнки. Переодевшись в общевойсковую полушерстяную полевую форму (в форме МГБ лететь запретили), проверив в кобуре табельный ТТ, он оглядел кабинет, выключил свет и с тревожным чувством шагнул в коридор. Когда ещё сюда вернётся? И вернётся ли?

2

На ярко освещённой площадке рядом с одним из аэродромных барачных корпусов, у врытой в землю бочки, служившей местом для курения, сгрудилась группа офицеров. Одни были одеты в общевойсковую форму, другие в синюю милицмейскую. Как только Савельев вышел из машины, от группы отделился офицер, оправил гимнастёрку и, не доходя трёх шагов, вскинул руку к козырьку, по-армейски, спокойно и уверенно стал докладывать:

– Товарищ подполковник, оперативная группа в составе девяти человек...

Савельев остановил доклад. На его лице появилась улыбка.

– Здорово, Лёша! Рад тебя видеть, друг мой любезный!

Они обменялись крепким рукопожатием и обнялись. Офицеры с повышенным вниманием наблюдали эту картину.

Савельев был искренне рад назначению ему в замы майора Зарубина Алексея Степановича. Два последних года войны они воевали вместе. В январе сорок четвёртого старший лейтенант Зарубин прибыл в руководимый Савельевым дивизионный отдел контрразведки «Смерш» на должность оперуполномоченного розыскного отделения и вскоре стал одним из лучших чистильщиков³. В его послужном списке значились десятки выявленных немецких диверсантов, полицаев и их пособников, скрывавшихся дезертиров, бандитов из Армии Крайовой, стрелявших в спину нашим бойцам. В середине апреля сорок пятого в небольшой немецкой деревушке неподалёку от Темплина Зарубина ранили в спину. Стрелявшего не нашли. После госпиталя его направили на 1-й Дальневосточный фронт, а с апреля этого года он служил заместителем начальника отделения особого отдела Московского военного округа. Это был невысокого роста худощавый крепыш, физически очень сильный, с волевым лицом, умными, цепкими глазами. Форма на нём сидела ладно, на гимнастёрке ни одной складочки, сапоги надраены до блеска.

Савельев, оглядев майора, улыбнулся. Он вспомнил, как летом сорок четвёртого, во время нашего наступления в Белоруссии, они выследили и брали на станции в Могилёве группу кочующих по железной дороге немецких шпионов-наблюдателей из власовцев. Те, прикинувшись инвалидами, долго трепали нервы смершевцам. После преследования шпионов в развалинах города Зарубин явился с докладом грязный, в рваной форме. Савельев сделал ему замечание за неопрятный вид. Старший лейтенант обещал к утру привести себя в порядок.

– Не к утру, Зарубин, а немедленно. Офицер-контрразведчик должен быть не только умным, внимательным, бдительным, честным и справедливым человеком, но и аккуратным во всём. На нас постоянно, часто с предубеждением, глядят бойцы и командиры.

С тех пор Зарубин был образцовым офицером.

Савельев попросил его представить офицеров опергруппы. Офицеры выстроились в шеренгу. Савельев представился:

– Подполковник Савельев, командир опергруппы. Здравствуйте, товарищи.

Зарубин называл оперативников, а те, сделав шаг вперёд, вновь возвращались в строй.

– Капитан милиции Нестеров Иван Иванович, старший оперуполномоченный ОББ⁴ МУР, – начал Зарубин с милиционеров.

Савельев быстро пробежал глазами сведения об офицере в выданном ему списке и по привычке взглядом оценивал человека. Тридцать четыре года. Высокий блондин, худой, суту-

³ Чистильщик – на профессиональном жаргоне контрразведчиков – высокопрофессиональный специалист по разработке, поиску и задержанию преступника.

⁴ ОББ МУР – отдел по борьбе с бандитизмом Московского уголовного розыска.

ловатый, лицо открытое, приятное, в голубых глазах спокойствие и уверенность. Синяя форма новая, не обношенная, сапоги блестят. Опытный оперативник-муровец.

– Капитан милиции Бойцов Степан Михайлович, старший оперуполномоченный ОББ УГРО Московского областного главка милиции.

Тридцать лет. Среднего роста. Брюнет. Тело развитое, мускулистое, крупные и сильные руки. Высокий лоб, волевой с ямочкой подбородок. Глаза карие, излучающие силу и упрямство, с лукавинкой. По всем данным, отличный сыскарь и волкодав⁵.

– Старший лейтенант Храмов Виталий Владимирович, оперуполномоченный ОББ Ленинградского УГРО.

Двадцать шесть лет. Шатен. Среднего роста, худой, щупловатый, кожа серого цвета. Лицо не по годам уставшего человека. Парень явно пережил блокаду. Но глаза сияли жизнью и желанием быть полезным. Савельев обрадовался земляку и подмигнул ему. Тот, зная, что командир питерский, в ответ тоже подмигнул и улыбнулся.

– Старший лейтенант Кобзев Александр Андреевич, оперуполномоченный ОББ УГРО Горьковского областного главка милиции.

Тридцать лет. Высокий, крепкий, с густой копной чёрных выующихся волос, крупный лоб, лицо скуластое. Глаза карие, живые с хитринкой. По всем данным, мужик надёжный и опытный.

Офицеров МГБ Зарубин не представлял. С ними Савельев успел познакомиться в здании на Лубянке, куда их заранее собрали, переодели в армейскую форму и проинструктировали. Но он вновь перечитал список, подходил к каждому и здоровался.

Капитан Стойко Кирилл Олегович, особый отдел Московского военного округа. Невысокий, худой, лицо угрюмое. Тридцать лет. Скорее невыспавшееся, подумал Савельев, чем злое. Глаза живые, цепкие. В «Смерш» пришёл из фронтовой разведки, окончил Вторую Московскую школу «Смерш». Войну завершил старшим опером отдела контрразведки «Смерш» стрелковой дивизии Второго Украинского фронта. Две Красных Звезды и орден Отечественной войны второй степени, медали «За отвагу», «За боевые заслуги» и «За взятие Вены». В контрразведке даром такие награды не давали. Опытный сыскарь.

Капитан Веригин Тимофей Иванович, особый отдел Ленинградского военного округа, тридцать четыре года. Среднего роста, худощавый, жилистый. Лицо смуглое, костистое, цыганистого вида. Подбородок волевого человека, глаза с огоньком, хитроватые. Войну завершил опером отдела «Смерш» танкового корпуса Первого Белорусского фронта. Два ордена, четыре медали. Участвовал в задержаниях десяти генералов вермахта и СС, офицеров штаба одной из дивизий РОА⁶. «Парень себе на уме, – подумал Савельев, – но, похоже, толковый».

Старший лейтенант Ширин Дмитрий Леонидович, управление МГБ по Москве, двадцать восемь лет. Выше среднего роста, стройный красавец с нагловатой улыбкой на тонких губах. Аккуратно подстриженные усики напоминали какого-то известного артиста, какого, Савельев вспомнить не мог. Образование – семь классов и школа младших командиров НКВД. На фронте не был. Служил в «Лефортово»⁷, весной этого года был переведён во внутреннюю тюрьму МГБ на Лубянке, затем в отдел «Т»⁸ центрального аппарата МГБ.

– Усы сбрить, – приказал Савельев.

⁵ Волкодав – на профессиональном жаргоне милиции – опытный специалист по задержанию особо опасных преступников.

⁶ РОА – Российская освободительная армия, соединение русских антисоветских частей и подразделений из русских коллаборационистов в составе вермахта в 1942–1945 гг., армией командовал перешедший на сторону Германии генерал-лейтенант А.А. Власов.

⁷ «Лефортово» – с 1936 г. следственная тюрьма ГУГБ НКВД, НКГБ, с 1946 г. – МГБ.

⁸ Отдел «Т» – структурное подразделение МГБ СССР, занимавшееся борьбой с «лицами, высказывающими угрозы террористического характера в отношении партийных и советских руководителей».

– По какой надобности, товарищ подполковник? – с вызовом спросил Ширин. – Устав не запрещает.

– Вы с усами очень заметны. А наша работа этого не терпит. Сбрить.

Лейтенант Буторин Николай Иванович, управление МГБ по Вологодской области. Двадцать три года. Среднего роста, среднего телосложения, лицо умного, интеллигентного человека. В глазах стеснительность и осторожность. Не воевал. Выпускник юридического факультета Ярославского государственного университета.

Подошёл капитан, командир экипажа транспортного «дугласа».

– Товарищ подполковник, машина и экипаж к полёту готовы. Можно грузиться.

Под мерное урчание двигателей офицеры опергруппы, кое-как примостившись на жёстких скамьях транспортного, уснули. Савельев прокрутил в голове события дня, проанализировал первые впечатления от знакомства с оперативниками и уже в полудрёме пришёл к выводу: пока всё в порядке. Уснул он по фронтовой привычке сразу. Майор Зарубин бережно укрыл его шинелью.

Первый день осени выдался в Литве тёплым, по-настоящему летним.

Было воскресенье. Местные жители, вернувшиеся из костёла со службы, работали на своих подворьях. Женщины с детьми собирали яблоки и груши, поздние сливы, мужчины перекапывали огороды, густо заправляя их навозом. Повсюду в бочках жгли садово-огородные отходы, и кисловато-горький запах щекотал ноздри. Пережившие войну собаки не лаяли на проходивших мимо военных, только опасливо поглядывали и нервно шевелили хвостами.

Жители, увидев офицеров, здоровались по-польски, но их безрадостные взгляды выражали тревогу и подавленность. По договору между СССР и Республикой Польша, заключённому в сентябре сорок четвёртого, шёл процесс репатриации поляков из Литвы в Польшу. Виленский край должен был постепенно заселяться литовцами. И хотя репатриация предусматривалась на добровольных началах, ЦК Компартии Литовской ССР разослал на места секретный циркуляр, требовавший регистрации всех поляков и выдавливания их из Литвы под любым предлогом. Вот местные и вздрагивали всякий раз, заметив приближавшихся военных или милиционеров.

Савельев на десять утра назначил оперативное совещание. Расположившись в большом и хорошо обставленном кабинете двухэтажного дома бывшего виленского воеводы, он до совещания просмотрел суточные сводки, поступившие из райотделов милиции и МГБ. Несколько пьяных драк, с десятков мелких краж, два сгоревших частных дома, угон армейских «виллиса», «доджа» и «студебеккера». «Ну, “виллис” и “додж” ещё понятно, – думал Савельев, – а “студебеккер”-то зачем, куда его спрячешь?»

В Вильнюсе группа студентов вновь вывесила бело-красные польские национальные флаги на башне Гедиминаса, на зданиях университета и театра Оперы и балета. Студенты задержаны, флаги сняты.

На шоссе Вильнюс – Ошмяны сожжён литовский хутор. Вырезана вся семья – хозяин, хозяйка, четверо детей.

В районе Вевис, на шоссе Вильнюс – Каунас, произошла перестрелка между неизвестными, обнаружены два трупа, распряжённая бричка, в ней пулемёт МГ-40 с двумя коробками патронов и четыре немецких противопехотных гранаты.

В старом городе Вильнюса, на углу улиц Замковой и Литературной, ограблена антикварная лавка. Хозяин лавки убит. В районе Пабраде взорван деревянный мост через ручей, тем самым затруднена доставка крестьянами госпоставок.

В лесном массиве, в трёх километрах южнее Лентвариса, запеленгована работа радиостанции с позывными QWRR...

Первыми на совещание прибыли начальник райотдела милиции подполковник Армалас, начальник ОББ райотдела милиции майор Букайтис и командир ОМБОН⁹ внутренних войск майор Ватрушкин. Пока Савельев знакомился с офицерами, оперативники его группы во главе с майором Зарубиным заняли левый угол, взяв под контроль входную дверь, два окна и весь кабинет. Армалас и Букайтис это заметили и перемигнулись со значением – ребята, мол, не промах, разместились с рассудком.

Вошёл подполковник Лужин, помощник министра госбезопасности Литовской ССР, кивком головы поприветствовал присутствующих, пожал руку Савельева и, оглядевшись, строго спросил:

– Опять Илюхина нет? Ждать не будем. Начинайте, товарищ подполковник.

В этот момент дверь с шумом отворилась, в кабинет бодро вошёл майор Илюхин. Сняв фуражку, он весело поприветствовал:

– Наше вам с кисточкой!

Но увидев за столом подполковников Лужина и Савельева, смутился и тихонечко присел на свободный стул.

Савельев представил офицеров оперативной группы, заметил, что он временно принимает на себя координацию работы органов безопасности и милиции в Вильнюсском крае, что по каждому факту проявления бандитизма, уголовный характер он носит или политический, не важно, будут формироваться совместные оперативно-разыскные группы из местных товарищей и командированных. Координационным центром станет оперативный штаб во главе с майором Зарубиным. Майор встал и представился кивком головы.

– Майор Зарубин одновременно является моим заместителем. Прошу товарищей кратко доложить обстановку, отметив нераскрытые дела и дела, стоящие на особом контроле.

Когда начальники райотделов милиции и МГБ доложили обстановку на первое сентября, Савельев предложил всем высказать свои предложения. После обсуждения он объявил десятиминутный перерыв, задержал в кабинете старших офицеров и, предложив желающим курить, подытожил:

– Насколько я понял из документов и ваших докладов, в городе и районе действуют следующие бандитские формирования: недобитки из Армии Крайовой во главе с Адамом Шперковичем по кличке «Слон», группа бывшего майора литовской армии и бывшего командира литовского полицейского батальона Йонаса Вилюнаса по кличке «Крюк», боевики из бывшего литовского батальона СС во главе с Витасом Костиновичусом по кличке «Обух», и банда уголовников под командой вора в законе по кличке «Брус».

Офицеры согласно закивали головами.

– Предлагаю сформировать четыре оперативно-разыскных группы. По банде поляков группу возглавит капитан Стойко, по банде Крюка – капитан Веригин, по банде Обука – капитан Урбанавичюс из райотдела МГБ, по уголовникам Бруса – капитан милиции Нестеров. Вы, майор Илюхин, и вы, подполковник Армалас, выделите в группы толковых офицеров. Вопросы есть?

Вопросов не было. Илюхин сиял, словно надраенный рубль. Одну из групп возглавил его офицер, а не приезжий.

– Ну а за вами, майор, – Савельев повернулся к командиру мотострелкового батальона особого назначения, – как всегда – материально-техническое и силовое обеспечение.

Надо сказать, в этом батальоне служило много бывших партизан и кадровых пограничников, людей с большим боевым опытом и хорошей подготовкой. Так что батальон численностью в шестьсот бойцов и командиров представлял собой серьезную боевую силу.

⁹ ОМБОН – отдельный мотострелковый батальон особого назначения.

После перекура майор Зарубин собрал командиров оперативно-разыскных групп в своём кабинете, а Савельев задержал майора Илюхина.

– Николай Иванович, вам вместе с майором Зарубиным придётся заняться радиопередатчиками. Центр ежедневно требует отчёт по ним. Прошу ежедневно докладывать мне о работе в этом направлении.

В дверь постучали. В кабинет вошла молодая симпатичная женщина в новой отутюженной форме с погонами сержанта. Она вопросительно взглянула на Илюхина. Тот глазами указал ей на Савельева.

– Товарищ подполковник, – как-то мягко, по-домашнему, обратилась она к начальнику, – хотите чайку? У меня и булочки ещё горячие.

Савельев растерялся. Сержант была очень похожа на Лену, его супругу. Он ничего не ответил, только улыбнулся и задумался.

Память бесцеремонно вырвала его из реальности и мгновенно перенесла в Берлин, в тот первомайский вечер прошлого, сорок пятого года, когда в составе стрелкового полка его опергруппа «Смерш» должна была участвовать в штурме рейхсканцелярии, и он давал последние указания своим людям.

– Особенно беречь переводчиков, – наставлял Савельев. – Сегодня ночью пойдём вместе со штурмовыми группами полка. А сейчас всем готовиться.

Он задержал лейтенанта Сизову, переводчицу группы, оглядел её с ног до головы и сказал:

– Пойдёте, лейтенант, со мной. Держаться рядом. Глядеть в оба. Не зевать. Не отставать. Не бояться. А сейчас идите и переодевайтесь.

– Это как понять, товарищ майор? – Сизова вспыхнула, сделала обиженное лицо и вскинула вверх голову. Машинально стала поправлять элегантно подшитую новенькую полушерстяную гимнастёрку и отряхивать сзади бостоновую синюю юбку.

– А вот так и понимайте. Переодеться в полевую форму, надеть штаны, поменять хромовые сапоги на яловые. Автомат можете не брать. Но запасных обойм к ТТ советую взять побольше. Идите и выполняйте приказ.

Это было их первое знакомство. А потом было то чудесное утро начала мая сорок пятого, утро победного дня. Савельев велел старшине Кухаренко собрать опергруппу. Два десятка офицеров, в том числе и переводчицы, с напряжением ожидали указаний майора. Савельев с улыбкой оглядел свое воинство. Все одеты в выглаженную форму и при наградах. Сапоги блестят, как тульские самовары. А у некоторых девушек, в том числе у лейтенанта Сизовой, слегка, хотя и не по-уставному, подкрашены губы.

– Ну, что, потаенное войско? – Савельев с улыбкой оглядел личный состав. – Не пора ли нам прогуляться по вражеской столице? Засиделись, небось, по бункерам да подвалам? Родным и друзьям сказать-то не о чем будет. А еще, мол, Берлин брали. Сейчас семь ноль-ноль. Два часа на променады, и вновь за работу. Ну, так как, вперед?

Все с воодушевлением поддержали предложение командира, весело и одобряюще загалдели. Девушки бросились целовать Савельева. Через минуту все его лицо было покрыто следами от губной помады.

Накануне в Берлине шел дождь. После него многие пожары поухли. Дождь прибил страшную пыль, но усилил запах гари. Город, особенно его центральная часть, лежал в руинах. Не было видно ни одного целого здания. А сохранившиеся кое-где фасады сиротливо чернели оконными проемами. Улицы превращены в нагромождения битого кирпича, бетонных осколков, искореженного металла, развороченного асфальта. Повсюду сожженная и подбитая немецкая и советская техника, изуродованные трамваи. Кругом воронки, воронки, воронки...

Вся компания вначале отправилась осматривать Рейхстаг. Изувеченное бомбами и снарядами здание, исклеванное огнем стрелкового оружия, украшенное алым стягом на уцелевшем остове купола, все равно сохраняло остатки бывшего величия.

На ступеньках примостилось множество бойцов. Одни просто сидели и курили. Другие перематывали обмотки и портянки. Некоторые спали, подложив под голову скатки шинелей или вещмешки. Три бойца импровизировали на трофейных губных гармошках. На них никто не обращал внимания.

Над всем этим скопищем людей, пришедших в Берлин со всех уголков Страны Советов, выживших в самой страшной и кровавой бойне в истории человечества, витал дух неимоверной усталости. Осознание победы, радость мира придет завтра. Сегодня они просто отдыхали от долгого и тяжелейшего труда.

Стены Рейхстага были густо исписаны победителями. Надписи имелись всякие. Много и нецензурных.

Потом вся группа направилась в сторону Бранденбургских ворот. Непроизвольно отстав, заглядевшись на чудом сохранившийся памятник, Савельев услышал рядом:

– Один из замечательных памятников конца восемнадцатого века. Архитектор Лангханс.

«Таким тоном говорят экскурсоводы», – подумал он и обернулся. За его спиной стояла Сизова и смущенно улыбалась.

– А откуда вы это знаете, товарищ лейтенант?

– Я, товарищ майор, на третьем курсе в университете на студенческой конференции делала доклад о памятниках Берлина XVIII–XIX веков.

Они вдвоем не спеша стали догонять товарищей.

– Мой доклад понравился. После конференции ко мне подошла со вкусом одетая незнакомая дама и предложила в свободное от учебы время поработать экскурсоводом в Наркомате иностранных дел. Обслуживать официальные делегации из Германии и Австрии. Так я оказалась в разведке.

Савельев впервые разговаривал с Сизовой во внеслужебной обстановке. «Интересно, – подумал он, – мы на фронте скоро уже два года вместе, а я практически ничего не знаю об этой симпатичной девушке. Я не знаю, сколько ей лет. Даже имени ее вспомнить не могу. Никогда не было времени ознакомиться с ее личным делом». То, что она прекрасный переводчик, великолепно владеющий военной терминологией, знали во всей контрразведке фронта. Его начальство неоднократно пыталось забрать Сизову то в корпусной, то в армейский отдел, но она исхитрялась всеми немыслимыми способами остаться в дивизии, в отделе Савельева. То заболит. То сбегала к полковым разведчикам на допрос языка. А однажды, когда в очередной раз за ней приехали из штаба армии, она намазалась выпрошенным у артиллеристов пушечным салом и вся покрылась аллергической сыпью. По ранее достигнутой ею договоренности с главврачом медсанбата, был поставлен диагноз: тиф. Больше ее не трогали.

Савельеву она нравилась. Он постоянно думал о ней. Скучал без нее в отлучках. А как только вновь встречал, начинал придирается. То форма ее не по уставу ушита. То прическа вызывающая. То тараторит во время допросов, то слишком медленно переводит. Она все терпела.

– Товарищ майор. А я знаю, о чем вы сейчас думаете.

– И о чем же?

– Вы думаете: майор Савельев! Идешь ты по поверженному Берлину, к которому стремился четыре года. Весна. Дышится легко. Рядом с тобой молодая и, в общем, симпатичная девушка. Вместе с ней исколесили мы фронтовые дороги Белоруссии, Польши и Германии. Под бомбежками, под артобстрелами не раз бывали. И отступать приходилось, и наступать. Куском хлеба делились. А я ведь даже имени ее не знаю... Лена меня зовут. Лена! Запомните, товарищ майор.

Илюхин понял по грустной улыбке подполковника, что тот сейчас далеко, и подал знак сержанту не торопить начальника. Он тихо приказал, вернее даже не приказал, а попросил:

– Маша, давай крепкого горячего чаю с булочками. И принеси яблочек, тех самых, антоновки, что я вчера привёз.

За чаем Савельев спросил:

– А вы, Николай Иванович, женаты?

Илюхин, всегда приветливый и улыбочивый, изменился в лице.

– Был, товарищ подполковник. До сорок четвёртого года. Поженились мы в мае сорок первого, в Себеже. Я служил там. Жена родом из Великих Лук, учительницей работала в школе. В первые дни войны я успел её отправить к моей матери в Пермь. Семнадцатого июля сорок четвёртого года наша 150-я стрелковая дивизия, где я служил оперуполномоченным отдела «Смерш» в стрелковом полку, освободила Себеж. А на следующий день мне пришлось арестовать тестя, добровольно и усердно служившего у немцев в комендатуре. Узнав об этом, жена подала на развод. Детей не было, расстались тихо.

– Жалеете?

– Сейчас уже нет. Подзарослось.

Савельев закурил, улыбнулся и, показав папиросой на дверь, сказал:

– А сержант-то просто красавица. Грех такую упустить.

– Не упустим. Она у меня в отделе служит. Не упустим.

– Вашего комдива Шатилова я по Берлину знаю, – поменял тему Савельев, – хороший мужик, вдумчивый, мудрый, но строгий. Мародёры, насильники и пьяницы боялись его, а немцы уважали.

Зашёл Зарубин, присел к столу, налил себе чаю, взял пухлую, хрустящую булочку.

– Недурно живёте, товарищи начальники.

Александр Васильевич раскрыл одну из папок, вынул из неё несколько скреплённых страниц и протянул Илюхину.

– Вы знакомы с этим документом?

Илюхин стал медленно читать:

«Прокуратура СССР

Военный прокурор войск НКВД Литовской ССР

Секретно

№ NNNN

г. Вильнюс

Министру внутренних дел Литовской ССР

генерал-майору тов. БАРТАШУНАС

Копия: Военному прокурору 4 СД ВВ МВД

майору юстиции тов. ХОВЯКОВУ

4 июля 1946 года заместитель командира N-ского сп N-ской сд вв МВД по строевой части подполковник Юрков вместе со своим ординарцем, прибыв на квартиру зав. отдела по работе среди женщин N-ского укома КП(б) Литвы, депутата Верховного Совета Лит. ССР гр-ки Кутрайте, самовольно занял одну из комнат ее квартиры.

Сестра Кутрайте, которая в это время находилась в квартире, просила подполковника Юркова воздержаться занимать эту квартиру до прибытия хозяйки квартиры.

На законные возражения сестры Кутрайте Юрков оскорбил последнюю и проявил грубость и нетактичность.

14 сентября подполковник Юрков, самоуправно выбросив на улицу вещи демобилизованного воина Советской Армии парторга N-ской волости тов. Вайдилы, незаконно, без ордера занял квартиру последнего.

Выселенная на улицу семья парторга Вайдилы состоит из 5 человек...

На требование председателя уисполкома освободить незаконно занятую квартиру, Юрков это сделать категорически отказался, при этом также проявил грубость и нетактичность, позорящие звание офицера Советской Армии.

Квартиру, принадлежащую парторгу тов. Вайдилы, Юрков не освободил до сих пор.

Приказом командира N-ской СД ВВ МВД от 16 октября с/г за № 586 за названные выше незаконные действия подполковнику Юркову объявлен выговор.

Считаю, что командир N-ской СД ВВ МВД, разрешая вопрос об ответственности подполковника Юркова, подошел слишком мягко.

Юрков, если учесть неоднократность случаев грубейшего нарушения им советских законов и явно демонстративного неподчинения им местным органам советской власти, заслуживает более строгого наказания.

Представляя переписку по делу самоуправных действий подполковника Юркова, прошу Вас приказ командира N-ской СД ВВ МВД от 16.X.46 г. за № 586 за мягкостью мер, принятых к Юркову, отменить и наказать Юркова своей властью, приняв в отношении его более суровые меры дисциплинарного воздействия.

О принятых мерах прошу мне сообщить.

Военный прокурор войск МВД ЛССР

подполковник юстиции С. ГРИМОВИЧ».

Илюхин передал прочитанный документ Зарубину и, не поднимая глаз, ответил:

– Знаком, товарищ подполковник.

– А об этом вам известно? – Савельев протянул Илюхину ещё один документ.

«Совершенно секретно. Экз. № 2.

Председателю Бюро ЦК ВКП(б) по Литве

товарищу ЩЕРБАКОВУ

24 августа 1946 г.

СПЕЦСООБЩЕНИЕ

Об убийстве милиционера лин. отд. милиции Шимкунас А.А. и о бесчинствах в/служащих на ст. Вильнюс.

24 августа с/г четверо военнослужащих из прибывшего на ст. Вильнюс эшелона № 43564 во главе со старшиной КУЗНЕЦОВЫМ Алексеем Тимофеевичем, находясь в нетрезвом состоянии, вооруженные автоматами и карабином в помещении билетных касс совершенно беспричинно избили дежурного милиционера ГУДАУСКАС.

Затем эта же группа хулиганов на привокзальной площади набросилась на другого милиционера ШИМКУНАС А.А., который в целях самообороны произвел из личного револьвера 2 предупредительных выстрела. В ответ на это старшина КУЗНЕЦОВ из карабина тяжело ранил милиционера, и когда последний стал стрелять в него, то он несколькими выстрелами убил ШИМКУНАС.

В результате перестрелки старшина Кузнецов был ранен и в тот же день умер в госпитале.

Через 15–20 минут другая группа военнослужащих из того же эшелона, выйдя на привокзальную площадь, встретила двух помощников коменданта ст. Вильнюс и одного патрульного, которых избили, отняли автомат и с криком ворвались в здание вокзала.

Принятыми немедленно милицией мерами бесчинства в/служащих были прекращены, и на вокзале был установлен порядок...

Произведенным предварительным расследованием установлено, что в пути следования из Австрии в Либаву отдельные группы солдат указанного эшелона занимались грабежами населения и хищениями продуктов питания из вагонов.

Военный комендант ст. Вильнюс подполковник БОЯРСКИЙ имел сообщение о подходе указанного эшелона, однако не принял никаких мер сам и не поставил в известность отдел ж.д. милиции.

Следственный материал вместе с задержанными передан военному прокурору гарнизона гор. Вильнюс для дальнейшего расследования.

*Министр внутренних дел Литовской ССР
генерал-майор БАРТАШУНАС
гор. Вильнюс».*

Дочитав, Илюхин, словно через силу, вымолвил:

– Знаком.

Сдерживая раздражение, Савельев спросил:

– И что же вы предприняли?

– Людей не хватает, Александр Васильевич. Я уже кучу рапортов отправил министру госбезопасности республики. Ответ один: людей нет.

– Послушайте, майор, все эти дела находятся на контроле руководства МГБ СССР. Даю вам три недели. Потом не обижайтесь. Не будет результатов, последуют выводы. Вам всё понятно?

– Так точно.

– Алексей Степанович, – подполковник обратился к Зарубину, – будьте любезны, окажите содействие майору Илюхину. И помните оба – радиопередатчики за вами.

Савельев вспомнил, что на Лубянке, перед отлётом в Вильнюс, полковник из отдела «ДР» настоятельно рекомендовал ему познакомиться с начальником разведотдела МГБ Литовской ССР полковником Станиславом Алексеевичем Ваупшасовым, легендарным советским разведчиком, и с майором Нахманом Ноаховичем Душанским – высочайшим специалистом по борьбе с националистическим подпольем в Прибалтике. Савельев позвонил в МГБ республики и договорился о встрече.

В небольшом уютном кабинете его встретил среднего роста худощавый полковник с множеством орденских колодок на кителе и звездой Героя Советского Союза. Огромный лоб, узкое скуластое лицо, жёстко сжатые губы, волевой подбородок, умные, цепкие глаза – всё выдавало в нём человека сильного характера, мужественного, с огромным опытом. Между тем Станислав Алексеевич был человеком скромным, даже стеснительным, интеллигентным, приветливым. Он радушно принял гостя, ответил на целый список заготовленных Савельевым вопросов, говорил кратко, лаконично, по делу. Настоятельно советовал налаживать отношения с местными жителями, создавать агентуру среди литовцев и поляков. Литовцы, по его словам, смогут помочь обнаружить лесные схроны польских банд на Виленщине, а поляки – схроны литовских банд.

Перед завершением беседы Ваупшасов пожелал Савельеву удачи и протянул ему маленький листок бумаги с кратким списком людей.

– Запомните их, листок сожгите. Они извещены, что будут работать с вами.

Душанского, к сожалению, на месте не оказалось. Как сказали его сотрудники, он срочно выехал в Шяуляйский район, где завершалась операция по блокированию и ликвидации крупной банды литовских националистов. На третий день начальник отделения по борьбе с бандитизмом МГБ Литовской ССР майор Душанский сам приехал к Савельеву.

Странно бывает в жизни. С человеком никогда не был знаком, ни разу его воочию не видел, но, как только майор Душанский вошёл в кабинет, протянул для пожатия руку и с доброй улыбкой представился, Савельеву показалось, будто они знакомы вечно, что их объединяет не только принадлежность к одной могущественной организации, но общая энергетика, незримые флюиды какие-то, духовное единство. Этот высокий, стройный красавец в идеально сидящем на нём мундире сразу вызывал доверие и уважение.

Савельев кое-что знал об этом человеке. Но в двухчасовой беседе, в ходе которой было выпито два чайника чая, Душанский кратко поведал о себе и многое об особенностях и характере работы по борьбе с бандитизмом в Литве.

Родился он в 1919 году (на шесть лет был младше Савельева) в Шяуляе в небогатой еврейской семье. В тридцать пятом году юный Душанский, сочувствовавший коммунистам, был арестован литовской тайной полицией, в тюрьме подвергался пыткам, но никого не выдал и вскоре был отпущен. В тридцать шестом новый арест и осуждение на шесть лет тюремного заключения. В тридцать восьмом году, находясь в заключении, подпольным комитетом был принят в компартию Литвы.

Его освободило новое советское правительство Литвы 19 июня сорокового года. А в августе того же года его призвали в Красную армию и, как подпольщика и коммуниста, направили в Шяуляй начальником отдела НКВД, а затем в погранвойска.

В начале июля 1941 г. отряд пограничников во главе с Душанским с боями прорвался к станции Дно. В составе группы сотрудников НКВД из Литвы и Латвии Душанского направили в Москву, где в октябре по требованию Сталина и по приказу Берии были сформированы три подразделения охраны Кремля. Возможно, Сталин вспомнил о стойкости и мужестве латышских стрелков, охранявших в годы Гражданской войны советское правительство.

В начале Великой Отечественной войны Душанский потерял практически всех родных: отца убили литовские полицейские в Шяуляйском гетто, мать погибла в газовой камере концлагеря Майданек, сестра Рохл и брат Пейсах были расстреляны литовскими нацистами при попытке уйти в советский тыл, брат Ицхак погиб в первые дни войны под Палангой. В живых остался один брат, всю войну прослуживший в госпитале.

С сорок третьего года, после окончания спецшколы НКВД, Душанский в составе опергрупп военной разведки и партизанских отрядов участвовал в разведывательно-диверсионной деятельности в тылу германских войск. В июле сорок четвёртого года, когда немцы бежали из Вильнюса, отряд под его командованием первым ворвался в город и попал под плотный огонь отрядов Армии Крайовой. Но бойцы Душанского быстро выбили аковцев с горы Гедиминаса, с крыш домов. С тех пор у Душанского было особое отношение к польским бандитам.

– А что вы с теми поляками сделали? – спросил Савельев.

– Надо было бы их всех расстрелять по законам военного времени, но убивать их мы не стали. – Он рассмеялся. – Вы не поверите, что мы сделали! Отобрали у них оружие и всех до одного раздели догола. И в таком вот оконфуженном виде отпустили по вильнюсским улицам.

Душанский совместно с сотрудниками МГБ СССР разрабатывал операции по розыску и аресту трёх особо опасных преступников – руководителей крупных отрядов литовских «зелёных братьев» – Й. Жямайтиса (кличка «Витаутас»), Ю. Лукши (кличка «Даумантас») и А. Романаускаса (кличка «Вангас»). Только один Лукша был убит в перестрелке.

Благодаря этой встрече, доброжелательности и стремлению Душанского помочь своему московскому коллеге, Савельев сумел скорректировать свои взгляды на задачи его опергруппы, по-новому оценить ситуацию в Вильнюсе и Виленском крае.

3

Антикварная лавка располагалась в полуподвальном помещении трёхэтажного дома из красного кирпича на углу улиц Замковой и Литературной, в самом центре старого Вильнюса. Участковый, младший лейтенант милиции Норейка, немолодой, тощий, одетый в новую синюю, не по размеру большую форму, суетливо сорвал с двери приклеенный лоскут бумаги с печатью райотдела милиции, выбрал на большой связке нужный ключ и, поправив на ремне кобуру с наганом, отворил дверь. Петли были хорошо смазаны, не скрипели. Участковый пропустил в лавку милиционеров, а старшину Бончюнаса оставил снаружи.

Капитан Нестеров щёлкнул выключателем, многорожковая люстра осветила довольно большое квадратное помещение с множеством застеклённых ящичков и витрин. Стекло, правда, всё было побито и его осколки противно хрустели на полу под сапогами.

– Работали, похоже, профессионалы, подмели всё подчистую, дверные петли смазали заранее... Лида, – он обратился к криминалисту райотдела милиции, старшему лейтенанту Воронцовой, – открывайте свой волшебный чемоданчик и начинайте искать пальчики и следы обуви. Вы, кстати, труп осмотрели? Что там интересного? Заключение патологоанатома готово?

Нестеров говорил спокойно и уверенно, будто ему наперёд было всё ясно и понятно.

Воронцова, миниатюрная, симпатичная девушка, была смущена капитаном из самого МУРа, да и старшего лейтенанта из Ленинграда она стеснялась.

– Так точно, товарищ капитан, – голос её чуть подрагивал от волнения, – труп осмотрела, проект заключения прочитала, само заключение обещали представить к вечеру. Хозяйина лавки, Семёна Абрамовича Штерна, девяностого года рождения, вначале, видимо, пытали. На теле обнаружены множественные гематомы, на шее и лице – глубокие царапины. Затем его убили немецким штык-ножом ударом спереди в грудь. Остриё клинка точно попало в сердце, смерть наступила мгновенно. Убийца оставил штык-нож в теле. Но что интересно, товарищ капитан, сам штык необычный. Он от немецкого карабина «маузер», и таким штыком вооружали только вспомогательные подразделения, которым длинный армейский штык мешал. Например, полевых фельджандармов, полицейские дивизии. Обычный штык имеет длину 470 мм, а этот всего 225 мм.

Нестеров улыбнулся, чем ввёл криминалиста в ещё большее смущение.

– Молодец, Воронцова. Ищите следы.

Он закурил и обратился к старшему лейтенанту Храмову:

– Давай, Виталий, проверь – есть ли запасной выход, подсобку погляди, вентиляционные люки... Сам знаешь, тебя учить не надо... А ты, Йонас, – приказал Нестеров старшему лейтенанту Соколаускасу из ОББ райотдела милиции, – по сантиметру изучи двор и территорию перед фасадом здания. Помни, имеет значение любая на первый взгляд мелочь.

Отправив участкового и старшину Бончюнаса опрашивать соседей, Нестеров принялся осматривать лавку. В торговом зале, если так можно было назвать эту разгромленную комнату, ничего кроме битых витрин, пары старых венских стульев, обрамлённого в бронзовую рамку трюмо и неуклюжего туалетного столика на резных ножках не было. Недавно побеленные стены ещё пахли известью. Крашеный в коричневый цвет дощатый пол поблескивал мелкими осколками стекла. Два узких, зарешёченных окна еле пропускали уличный свет. Окна были целы.

Нестеров, после того как криминалист сделала несколько фото комнаты, стал изучать стены. Они были чисты, и лишь у двери в подсобку, на крашеной обналочке из грубо струганной доски он заметил маленький клочок шерсти, даже не клочок, а несколько смятых ворсинок зелёного цвета.

– Лида, – позвал он криминалиста, – аккуратненько снимите это пинцетом и приобщите. Больше ничего не привлекло его внимания в торговом зале, и он направился в подсобку. В крохотном кабинетике хозяина лавки Храмов сантиметр за сантиметром простукивал стены. На большом письменном столе стояли телефонный аппарат и пустой маленький сейф, вскрытый фомкой, словно консервная банка.

Храмов оглянулся через плечо и, усмехнувшись, заметил:

– Жадные ребята. Ни копеечки не оставили. Вентиляции тут, Иван Иванович, никакой. Оттого холодно и сыро. Запасной выход направо. Замок не взломан, но открыт. У двери, на бетонной приступке, несколько следов от сапог большого размера и, похоже, лёгких ботинок, по размеру женских. Я всё тщательно срисовал.

И тут оба офицера насторожились. После очередного удара Храмова по стене киянкой послышался характерный для пустот глухой звук. Храмов быстро юркнул в коридор и через минуту вернулся с топором, вырванным во дворе из противопожарного щитка. Нестеров пробил квадратное отверстие с полметра по сторонам, вынул из кармана фонарик, сунул его в руки Храмова.

– Давай, Виталий, погляди, что там.

Пошарив правой рукой, Храмов извлёк из отверстия небольшую металлическую коробку с изображением на крышке державшего в руке чайную пиалу мужчины и надписью по-польски «Roza Chinska».

– Китайский розовый чай, – прочитал Нестеров и достал из кармана перочинный ножик.

В коробке был только один предмет: завёрнутая в замшу массивная золотая брошь, украшенная множеством крупных камней, похожих на бриллианты, изумруды, рубины и сапфиры.

– Тяжёленькая, – тихо произнёс Нестеров, – и, похоже, старинная.

Храмов повертел брошь, вынул складную лупу, рассмотрел камни.

– Это бриллианты, Иван Иванович, зелёные – изумруды, а эти, малиновые, точно рубины.

– Откуда знаешь? – недовольно пробурчал Нестеров. – И, наконец, когда перестанешь меня по отчеству величать? Иваном меня зовут.

– Во-первых, вы меня, то есть ты меня, товарищ начальник, на восемь лет старше, – Храмов улыбнулся, гася раздражение капитана, – а, во-вторых, Ваня, был у меня в Ленинграде в блокаду небольшой опыт по этим камушкам. Как-нибудь расскажу. А, в-третьих, думается мне, бандиты приходили за этой брошью.

– Поживём – увидим... Ладно, пошли в зал.

Нестеров передал коробку с брошью криминалисту.

– Лида, срочно на экспертизу. Есть что с пальчиками?

– Есть, товарищ капитан, много чего есть. Будем работать.

Вошёл старший лейтенант Соколаускас с кипой листов бумаги и пакетиками с землей, лаконично доложил:

– Товарищ капитан, во дворе следы машины. Срисованы мною. Товарищ Воронцова сделала снимки. По протектору – или «виллис», или «додж». Со следов снял остатки грунта. Это красная глина, в городе такой нет.

– Хорошо, Йонас, передай всё криминалисту. Сейчас восемь тридцать пять. К восемнадцати тридцати жду ваши с Воронцовой сообщения.

Распахнулась дверь, и участковый Нореика ввёл в лавку чуть полноватую, но весьма привлекательную даму, в лёгком кремового цвета поплиновом плаще и игривого фасона шляпке. На вид ей было лет тридцать пять.

– Доставлена гражданка Штерн, товарищ капитан. Я опросил соседей. Никто ничего не видел и не слышал. Что, собственно говоря, неудивительно, – участковый сделал виноватое лицо.

– Присаживайтесь, – Нестеров придвинул даме венский стул и приказал Соколаускасу вести протокол. – Вы опознали труп хозяина лавки?

– Да, это Семён Абрамович Штерн, – с надрывом ответила дама и прижала платочек к сухим глазам.

Она скорее с любопытством, чем с опаской поглядывала на Нестерова и Храмова, поминутно прикладывая кружевную платочек к глазам. Два молодых милицмейских офицера ей были явно интересны.

В ходе допроса выяснилось, что Нелли Рафаиловна Штерн, девятисотого года рождения (Нестеров был удивлён, он-то полагал, что она гораздо моложе), место рождения – Вильно, незамужняя, убитому хозяину антикварной лавки приходилась двоюродной сестрой. С двадцать пятого года по май сорок первого Штерн владел большим престижным антикварным магазином в самом центре Вильно, на углу улиц Ягелонской и Гданьской, в пяти минутах ходьбы от центральной улицы Адама Мицкевича. Нелли Штерн все эти годы работала в магазине кузена в качестве продавщицы и домоправительницы. В мае сорок первого года Семён Штерн решил уехать в Советскую Россию. Причин было несколько. Во-первых, после передачи Москвой в октябре 1939 года Вильно Литве новые литовские власти стали душить бизнес налогами, а полицейские чиновники занимались открытым рэкeтом, вымогая у Штерна ежемесячную плату за «крышу». При поляках подобного не было.

Во-вторых, когда в Литве в сороковом году была провозглашена советская власть и страна вошла в состав СССР, началась полная неразбериха. Богатые поляки и литовцы либо уехали в Швецию и Финляндию, либо подверглись репрессиям органами НКВД. Бизнес серьёзно просел. Зачастили уголовники, требуя у брата стать скупщиком краденого и отдать им долю в бизнесе. В апреле сорок первого Штерн решил воспользоваться приглашением родственников, уехать в Саратов и открыть там антикварный магазин. Через месяц всё было распродано, и Штерны покинули Вильно. Осенью прошлого, сорок пятого года, они вернулись в город и с разрешения властей вновь открыли антикварный магазин, вернее лавку. Бизнес шёл ни шатко ни валко, но на жизнь хватало.

– Откуда в лавку поступал товар?

Дама закатила глаза, видимо, соображая, как ответить на вопрос. С минуту подумав, уверенно заговорила:

– Большую часть товара кузен получал из Ювелирторга под реализацию, все документы в порядке, я их передала вашим людям. В основном это были серийные изделия ювелирных предприятий из золота и серебра: колечки, серёжки, кулоны, броши, запонки... Дорогих вещей с драгоценными камнями не было. В основном полудрагоценные и поделочные камушки: янтарь, агат, горный хрусталь, малахит, розовый кварц, лазурит, халцедон... Что-то на продажу приносили люди, в основном поляки. Кузен тщательно отбирал, но большинство было низкого качества и перспектив к реализации не имело, брат отказывал. Кое-что он брал из мебели, это сейчас ходовой товар.

– Скажите, Нелли Рафаиловна, – Нестеров жёстким взглядом упёрся в глаза Штерн, – бандиты в гости не заглядывали?

Дама молчала, теребя в руках платочек. Нестеров смягчил тон:

– Поймите, нам крайне важно это знать. Если вы хотите, чтобы мы нашли убийц вашего брата, нам нужен максимум информации.

Штерн выпрямилась и тихо сказала:

– Заглядывали, пан капитан. Разные заглядывали. Весной, по-моему, в апреле, у лавки остановилась дорогая машина, марки не помню. В лавку зашли трое: двое здоровых молодых людей, под плащами которых скрывались немецкие автоматы, и высокий, стройный, хорошо одетый мужчина, представившийся майором Адамом Шперковичем.

Нестеров достал из полевой сумки конверт с фотографиями, вынул одну и передал Штерн.

– Это он?

Она долго всматривалась в фото холёного офицера в парадной форме с аксельбантом и наградами на груди.

– Да, это Адам Шперкович. Они удалились с братом в подсобное помещение, в кабинет брата, и долго разговаривали. Прощаясь, Шперкович крепко пожал руку Семёна Абрамовича и сказал: «Я надеюсь на вас, пан Штерн. Полагаю, вскоре я вернусь за ней». А месяц назад, в начале августа, в лавку нагрянул известный в Вильно Станислав Бруяцкий с подручными. Он истерично кричал, топал ногами, требуя от кузена, чтобы тот отдал то, что оставил ему на хранение Шперкович. Но Семён Абрамович всё отрицал. Бруяцкий посоветовал хорошенько подумать и, пригрозив пистолетом, обещал вскоре вернуться.

Нестеров переглянулся с Храмовым, достал из конверта фотографию Бруса, в миру Бруяцкого Станислава Брониславовича, показал её Штерн.

– Этот приходил?

– Да, этот.

Храмов положил перед Штерн чайную коробочку, извлёк из неё брошь и спросил:

– Эту вещь оставил на хранение Шперкович?

Штерн побледнела, её широко раскрытые глаза выражали удивление и ужас. Она прошептала одними губами:

– Да. Это фамильная брошь его покойной матери Ядвиги, до замужества Коморовской. Он уверял, что это всё, что осталось от приданого матери. Брошь из чистого золота высокой пробы, украшена бриллиантами, изумрудами, рубинами и сапфирами. Изготовлена голландскими мастерами в Амстердаме в середине восемнадцатого века.

– Вы знаете цену броши? – спросил Нестеров.

– Кузен её оценивал в двадцать – двадцать пять тысяч фунтов стерлингов. Это сумасшедшие деньги, панове!

Храмов присвистнул и быстро убрал брошь в коробку.

– Вы предполагаете, – продолжил Нестеров, – бандиты приходили за брошью?

– Уверена. Всё остальное, что они взяли, сущие пустяки.

– Вы знали, где была спрятана брошь?

Штерн вздрогнула.

– Нет, пан капитан, кузен мне ничего не говорил.

– А кто мог так профессионально замуровать брошь в стену кабинета вашего кузена?

– Не знаю. Возможно, у брата сохранились довоенные связи с какими-то рабочими, или он новые завёл. Не знаю, пан капитан.

– Вам известно, где могут скрываться Шперкович и Брус, извините, Бруяцкий?

– Пан капитан, – Штерн с укором поглядела на Нестерова, – город почти не разрушен и пуст. Брошенных домов и квартир множество. Да где угодно.

– Вы живёте здесь, в старом городе, по адресу – улица Августинцев, дом 7, квартира 3?

– Совершенно верно, рядом с костёлом Святого Казимира.

– В городе вы случайно больше не встречали этих людей?

– Нет. Хотя постойте. Неделью назад я ходила за овощами на Лукишский рынок, что напротив гимназии, на Мицкевича. Там есть небольшая деревянная пивная. Так вот у этой самой пивной я заметила двух бандитов из компании Бруяцкого, они с ним приходили к нам в лавку. Они стояли у дверей пивной, курили, смеялись, громко разговаривали по-польски, меня, слава Богу, не узнали. Больше я никого не встречала.

– В городе у вас есть родственники?

– Нет, всех Господь прибрал.

– Вы общаетесь с друзьями, знакомыми?

– Практически нет. Кто успел до войны бежать, те далеко. А кто остался... Вы же знаете, что немцы и литовцы с евреями сделали?

Нестеров дал подписать Штерн листы протокола.

– Нелли Рафаиловна, если понадобится, мы известим вас. О нашем разговоре никто не должен знать. Помните, бандиты могут и вас навестить.

Штерн поднялась, оправила плащ, поправила шляпку и, гордо вскинув голову, заявила:

– Я никого из них не боюсь. И смерти не боюсь, пан капитан. Там, – она подняла вверх указательный палец, – там все мои родные, они ждут меня и будут рады встрече. Всего вам доброго, панове офицеры.

Когда за Штерн закрылась дверь, Нестеров, ободренный хоть какой-то информацией, приказал:

– Соколаускас, свяжитесь с военными, – когда он нервничал, всегда переходил на «вы», – и узнайте, откуда были угнаны «виллис» и «додж», пригласите в райотдел их людей, быть может, узнают протекторы своих машин. Постарайтесь с Воронцовой определить, откуда на протекторах красная глина. Лида, за вами организация экспертизы броши, пальчики, шерсть с дверного косяка, анализ следов машин. Да, и поглядите, не фигурирует ли в делах последнего месяца подобный штык-нож, которым убили антиквара. Храмов, возьми в райотделе пару толковых ребят, переоденьтесь в штатское и пошарьте по рынку, особенно возле этой самой пивной. Никаких шалостей. Если объявится Брус, не вздумайте рыпаться. На куски вас порвут. Встречаемся в райотделе в половине седьмого. Младший лейтенант Норейка, установите негласное наблюдение за лавкой и домом, где живёт гражданка Штерн. Любую информацию немедленно докладывайте дежурному райотдела.

Телефонный звонок в пустой лавке раздался, словно пулемётная очередь. Все насторожились и потянулись вслед за Нестеровым в подсобку.

Выждав несколько сигналов, Нестеров поднял трубку и уверенно произнёс:

– Слушаю.

Трубка, потрескивая, молчала. Через минуту раздалась короткая гудка.

Нестеров задержал Храмова.

– Виталий, очень прошу, будь осторожен. Город обезлюжен, в основном поляки, все друг друга знают, неизвестные вызывают подозрение.

– Не волнуйся, командир, прорвёмся. А ты сейчас куда?

Проводив Храмова до дверей, Нестеров ответил:

– Хочу на городской телефонный узел заглянуть. Надо выяснить, кто звонил в последнее время сюда, в лавку, кому звонил убитый Штерн. И этот странный звонок меня насторожил... Забирай машину, я пешком прогуляюсь.

Оставшись в разгромленной лавке один, Нестеров присел на старый венский стул, закурил и задумался. Он не мог понять, как работает здешняя милиция... По сути, всё держится на нескольких литовцах из местных, лишь они знают город, а поляков нет ни одного. Ну а что мы, приехавшие русские? Словно котята слепые, всё на ощупь, без знаний местных условий, без агентуры...

Он стал анализировать, что у них на руках по делу убитого антиквара. Куча отпечатков, следы обуви, красная глина, шерсти клочок, орудие убийства – штык-нож. На всё это, требующее тщательного анализа и экспертизы, уйдёт много времени. Это тебе, брат, не на Петровке.

Из показаний кузины убитого, если, конечно, она не врёт, выходит, что убийство совершили бандиты Бруса, пытавшиеся через пытки добиться у антиквара выдачи броши. Но ведь всё может быть с точностью до наоборот. Могло случиться и так, что Штерн «кинул» Шперковича, соврав о похищении материнской реликвии, и пообещал Брусу продать ему драгоценную брошь после того, когда узнает её истинную цену.

Странно, Шперкович больше за брошью не приходил, а бандитам вырвать её под пытками не удалось. Хотя антиквар, по словам кузины, человеком был мягким и пыток бы не выдержал.

Обе версии жизненные. Но возможна ли иная? Возможна, если вмешался кто-то третий. А могло случиться так, что антиквар не знал, где замурована коробка с брошью? Маловероятно. Но чем чёрт не шутит...

Докурив третью папиросу, Нестеров повесил на плечо «ППС»¹⁰, оглядел ещё раз лавку и направился к выходу. Уже ступив на приступок, он заметил, как в щели половых досок что-то блеснуло. Скорее всего, осколок стекла, мелькнуло в голове. Но профессиональная привычка всё перепроверять заставила вернуться. Достав нож, он встал на колени и извлёк из щели простенькое золотое колечко с маленьким камушком голубовато-серого цвета. Повертев его, Нестеров сунул колечко в нагрудный карман и покинул лавку.

Директора телефонной станции на месте не оказалось. Предъявив удостоверение молодой секретарше в приёмной, Нестеров попросил пригласить кого-либо из руководителей. В приёмную вошёл капитан с эмблемами связиста, в зелёного цвета вязаной шерстяной безрукавке поверх гимнастёрки, среднего роста, крепко сбитый, лицо мужественное, большие крепкие руки. «Такими руками, – подумал Нестеров, – не провода соединять, а рельсы гнуть». Всё в этом капитане вызывало уважение. Вошедший представился:

– Главный инженер капитан Семашко.

Нестеров также представился и показал удостоверение.

– Товарищ капитан, мы могли бы где-нибудь побеседовать?

– Конечно, пойдёмте ко мне, вторая дверь направо.

В узком тёмном кабинете, заставленном бухтами телефонного провода, помещались только небольшой письменный стол со старой, польского производства настольной лампой и двумя телефонными аппаратами, узкий кожаный диван и в углу – стоячая вешалка для одежды, на которой висела выдавшая виды серая офицерская шинель.

– Присаживайтесь, – капитан указал Нестерову на диван. – Вы сегодня чего-нибудь ели?

Голодный Нестеров честно признался:

– Утром чаю попил с бутербродом, – он улыбнулся, – или вернее, бутерброд с салом запил кружкой чая.

– Всё ясно, – капитан достал из верхнего отделения стола бумажный пакет и короткий немецкий штык-нож, – давайте-ка порежьте, а я пока схожу, чайник поставлю.

За бутербродами со свиной домашней колбасой, чаем и папиросами офицеры кратко поведали друг другу о военном лихолетье. Поблагодарив за угощение, Нестеров спросил:

– Можно установить номера, с которых звонили антиквару и его кузине, и по каким номерам звонили они в последнее время?

– Конечно, можно. И владельцев номеров установим, будь они хоть организациями, хоть частными лицами. Пойдёмте в операционный зал, там у каждой дежурной телефонистки имеется журнал регистрации звонков.

В длинном, заставленном аппаратурой зале, работали четыре телефонистки. Офицеры подошли к молодой симпатичной девушке, её выщипанные белокурые волосы почти полностью были скрыты двумя большими наушниками. Тонкие, длинные, словно у пианистки, пальцы непрерывно бегали по панели, вонзая штекеры в разные гнезда разъёмов. При этом она успевала через микрофон общаться с абонентами и улыбалась. Главный инженер потрогал её за плечо. Она вздрогнула, обернулась, сняла наушники и, увидев милиционера, как показалось Нестерову, на мгновение растерялась, но быстро взяла себя в руки и мило улыбнулась.

– Малгожата, – обратился к ней главный инженер, – ты работала в пятницу?

– Да, я. А что-то случилось? – её кукольное личико выражало удивление.

¹⁰ ППС – пистолет-пулемёт Судаева.

– Будьте добры, – попросил Нестеров, пропуская мимо ушей её вопрос, – посмотрите, кто в тот день звонил по этому телефону и кому звонил данный абонент.

Он положил на стол записку с номером телефона погибшего антиквара, и когда девушка взяла записку в руки, Нестерова будто ток прошиб. На безымянном пальце её правой руки сверкнул маленький золотой перстенёк с халцедоном, точно такой же, как подобранный на полу в антикварной лавке и лежавший в нагрудном кармане гимнастёрки Нестерова.

– Какая прелесть! – воскликнул он. – Небось, кавалер подарил?

Щёки девушки заалели, она смущённо ответила:

– Так, пан капитан, рыцарж¹¹ мой.

Девушка открыла нужную страницу оперативного журнала и написала на вырванном из блокнота листке номера телефонов абонентов, звонивших в тот трагичный день антиквару, и номера, по которым звонил погибший. Поблагодарив телефонистку, Нестеров вслед за главным инженером спустился на первый этаж.

– Слушай, капитан, установи как можно скорее этих абонентов. И можно поглядеть личное дело этой милой пани?

Связист улыбнулся и подмигнул Нестерову.

– Что, Москва, понравилась дивчина? У нас, брат, таких много. Пошли в отдел кадров.

Нестеров читал личное дело и делал пометки в блокноте. Малгожата Карпович, 1922 года рождения, место рождения – Вильно. Образование среднее. Не замужем. Отец – Збигнев Карпович, 1896 года рождения, г. Новогрудок, майор Войска Польского, командовал запасным пехотным батальоном, пропал без вести в сентябре 1939 г. во время боёв с немцами под Кельцем. Мать – Мария Карпович, в девичестве Квятковская, 1902 года рождения, из обедневшей шляхты Виленского воеводства, проживает с дочерью. Дядя Малгожаты – Бронислав Эдуардович Квятковский, 1894 года рождения, старший брат её матери, профессор виленского университета, ныне преподаёт в городской мужской гимназии русский язык и литературу.

– Слушай, друг, – прощаясь, попросил Нестеров, – вызнай про её кавалера. Кто, да что, да где живёт? Не хочу, понимаешь, пугать девушку расспросами. Ну, спасибо тебе за всё. Бывай, до встречи. Жду звонка.

Выйдя на залитую сентябрьским солнцем улицу, Нестеров глубоко вдохнул наполненный запахом увядавшей листвы воздух, поправил на плече автомат и, сориентировавшись, широко зашагал в сторону райотдела милиции. Интересно, думал он, колечко телефонистки краденное или купленное. Будь оно неладно, колечко это! Возможно, оно ключик к ещё одной версии убийства антиквара. Какими силами все эти версии отрабатывать?

¹¹ Рыцарж (польск.) – кавалер, рыцарь.

4

Капитан Стойко вместе с лейтенантом Антанасом Каулакисом из райотдела МГБ уже четвёртый час без перерыва выслушивали показания потерпевших от преступных деяний банды Слона, по документам – Адама Шперковича. Согласились дать показания восемь человек, все они были литовцами или белорусами с ближних и дальних хуторов. Потерпевшие от бандитов поляки от дачи показаний отказались.

Картина вырисовывалась незамысловатая, но в кровавых тонах: бандиты, вооружённые советскими автоматами и облачённые в польскую довоенную форму, являлись на хутора, опиывали имущество, скот, птицу и устанавливали оброк, который хуторяне должны были платить продуктами дважды в месяц. Тех, кто отказывался, убивали, скот и птицу резали, хутор сжигали. За год от рук варваров погибло более пятидесяти человек, в том числе женщин, детей и стариков, сгорело семь хуторов. Несколько попыток чекистов и милиционеров устроить засады и окружить бандитов закончились безуспешно. Бандиты, как правило, кем-то предупреждённые, оказывали ожесточённое сопротивление и без особых потерь уходили с награбленным в лес. Потери несли и чекисты, и милиционеры, и солдаты внутренних войск.

Шперкович был личностью интересной. Из спецсообщения МГБ СССР следовало, что родился он в семье бригадного генерала артиллерии Юзева Шперковича и Ядвиги Коморовской, в девятьсот первом году, в Вильно. В 1922 году после окончания офицерской пехотной школы был направлен в Корпус охраны границы. Служил помощником командира пограничной заставы на границе с СССР. В начале августа 1924 года отличился в боях с перешедшим границу советским разведывательно-диверсионным отрядом.

Он, Шперкович, тогда и представить не мог, что его застава столкнулась с отрядом спецназа ГПУ во главе с талантливым разведчиком Станиславом Ваупшасовым. Дзержинский лично поручил Ваупшасову захватить и уничтожить белогвардейский штаб, созданный в Польше, на границе с СССР, совместно с польской и французской разведками, для заброса на советскую территорию шпионов и диверсантов.

В ночь с 3 на 4 августа 1924 года отряд чекистов в составе ста человек пересёк советско-польскую границу и атаковал Столбцы в Новогрудском воеводстве. Городок был захвачен, разведцентр уничтожен, разгромлены жандармский и полицейский участки, взорвана железнодорожная станция.

Чекисты под командой Ваупшасова на линии Пинск – Лунинец, под населённым пунктом Ловча, задержали поезд, в котором ехали полесский воевода Станислав Довнарлович, сенатор Польской Республики Болеслав Вислоух и минский католический епископ Зигмунт Лозиньский. Изъяв у воеводы и сенатора секретные документы, чекисты вернулись в СССР.

Вот за те самые бои Шперкович был награждён крестом «За заслуги» 3-го класса и досрочно получил чин поручика.

В сентябре тридцать девятого года сводный пограничный полк под командованием майора Шперковича оказал упорное сопротивление частям Красной армии в районе Барановичей и Слонима. Шперкович избежал плена и интернирования. В 1941–1942 гг. партизанский отряд Армии Крайовой под его командованием мародёрствовал на Виленщине и в Белоруссии, избегая прямого столкновения с немецкими частями и полевой жандармерией.

Зимой 1943–1944 гг. батальон АК под его командованием принимал участие в боях с отрядами украинских националистов-бандеровцев на Волыни. Отличился крайней жестокостью. В ответ на уничтожение бандеровцами польских сёл и хуторов аковцы Шперковича выжигали украинские сёла и деревни, не оставляя в живых ни малых, ни старых. Затем командование АК вновь перебросило Шперковича на Виленщину, и летом сорок четвёртого, во

время наступления Красной армии, он со своим отрядом пытался захватить ряд населённых пунктов в пригороде Вильно и установить там власть «лондонского» польского правительства.

В ходе боестолкновений с частями НКВД, сотрудниками НКГБ и военной контрразведки «Смерш» значительно поредевший отряд ушёл в леса. Шперкович под бело-красным знаменем Речи Посполитой и лозунгом «Виленица для поляков» начал заниматься обычным уголовным бандитизмом. Да ещё воевать с литовскими бандитами.

Вот и в последней сводке говорилось, что неподалёку от Ошмян бандиты Слона намеревались ограбить литовский хутор, но напоролась на хорошо вооружённую группу литовских «зелёных братьев», грузившую на подводы изъятые на хуторе продукты. Прибывшие на уже догоравший хутор милиционеры и взвод внутренних войск обнаружили тела двух поляков в старой форме Войска Польского и двух литовских бандитов. И литовцы, и поляки так быстро покинули место боя, что ни трупы не унесли, ни оружие, даже подводу с битыми курами и двумя мешками овса бросили.

Лейтенант Каулакис, перебирая фотографии, сделанные на разграбленном и сгоревшем хуторе, внимательно рассматривал две из них.

– Товарищ капитан, – он протянул фотографии Стойко, – гляньте, это отпечатки протектора или «виллиса», или «доджа». Помните, вчера на совещании у подполковника Савельева капитан Нестеров докладывал, что в Вильнюсе у разграбленной антикварной лавки тоже нашли следы похожих протекторов. Он ещё сказал, что на протекторах сохранилась красная глина.

Стойко взял фотографии и, поморщившись, заметил:

– Рисунок протекторов сходится, но не разобрать, что там на них.

Каулакис порылся в ящике с вещдоками, извлёк пакет из плотной бумаги, помеченный криминалистами особым шифром, высыпал содержимое на газету.

– Вот она, красная глина, товарищ капитан, – лейтенант сиял, словно медный самовар.

– Интересно, – Стойко размял пальцами кусочек глины, – кто же угнал машины, литовцы или поляки?

В дверь постучали. Вошёл молоденький, лет двадцати двух, невысокого роста, худой, но плечистый старший лейтенант милиции, вскинул руку к козырьку и доложил:

– Товарищ капитан, докладывает старший лейтенант милиции Иванов. Вчера вечером военные из сапёрного батальона опознали по протектору угнанный у них «додж». Капитан Нестеров велел передать вам копию акта опознания машины, – старший лейтенант положил на стол тоненькую папочку, – там же увеличенное фото протектора и копия справки криминалистов о составе красной глины и предположительном месте её залегания в Вильнюсском районе. Сапёры ещё сказали, что на заднем левом крыле машины кто-то, возможно мальчишки, нацарапали маленькую звезду, видимо, гвоздём.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.